
3 1761 07034839 6

КАКОЙ ФЛОТЪ НЕОБХОДИМЪ РОССІИ?

Л. ДОБРОТВОРСКІЙ

(ПСЕВДОНИМЪ NAUTA)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13
1904

Дозволено цензурою 2 ноября 1904 г. С.-Петербургъ.

КАКОЙ ФЛОТЪ НЕОБХОДИМЪ РОССІИ?

Жизненное значеніе флота.

«Нов. Вр.» 4-го іюня 1900 г.

Въ № 8713 «Нов. Врем.»—(1 іюня 1900 г.) напечатано письмо въ редакцію г. А. Кирѣева подъ заглавіемъ: «Значеніе флота», по поводу котораго я долженъ сдѣлать нѣкоторыя очень существенныя возраженія.

Въ письмѣ этомъ, написанномъ по поводу передовой статьи «Нов. Врем.» (№ 8711), подъ заглавіемъ «Международныя отношенія», г. А. Кирѣевъ—на заключительную мысль ея относительно главнѣйшихъ задачъ всѣхъ государствъ, не желающихъ подпасть подъ иго Англіи, стремящихся оградить свою честь и свои владѣнія, требуется усиленное увеличеніе надводнаго и подводнаго флота и вообще всякое улучшеніе морского боевого организма,—говоритъ: «Не знаю, какъ для другихъ государствъ, но для Россіи ничего этого не нужно, и вотъ по какимъ причинамъ: боевое значеніе флотовъ *несомнѣнно* понизилось, и въ значительной степени». Остановлюсь пока на этомъ, потому что тутъ: и слово «не-

сомнѣнно» и курсивъ, т. е. значитъ—чрезвычайно важно. Доказательствами и причинами «боевого пониженія флотовъ» онъ выводитъ: изъ быстрой мобилизаціи войскъ, изъ огромнаго развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ и изъ того, что во время Франко-германской войны флотъ Франціи былъ гораздо сильнѣе германскаго, и онъ «ни на волосъ не измѣнилъ хода военныхъ дѣйствій».

Вотъ три причины перваго основного положенія, и всѣ—невѣрны! Французскій флотъ не измѣнилъ хода военныхъ дѣйствій не потому, «что не могъ», а потому, что съ нимъ безобразно распорядились, что ему не оказалось никакой работы, такъ какъ въ то время у Германіи ни военнаго, ни коммерческаго флотовъ почти не было, а противъ мелководныхъ береговъ могли дѣйствовать только спеціальныя мелкосидящія суда, но ни какъ не та эскадра, которая была отослана туда изъ глубоководныхъ судовъ, которымъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только разглядывать берега въ подзорныя трубы, да и то не вездѣ. Поступи французы иначе: пошли они съ этой же эскадрой десантъ, выкинь его въ сѣверной Германіи около Киля или Данцига,—и тогда несомнѣнно ходъ военныхъ дѣйствій совершенно бы измѣнился, такъ какъ, вѣроятно, вовлеклась бы въ войну и Данія. Французы сначала такъ и хотѣли, но общій хаосъ, неожиданность нападенія нѣмцевъ и колоссальная безпечность и неподготовленность французовъ, даже большая, чѣмъ у насъ въ Крымскую кампанію или недавно въ Испаніи и Китаѣ, конечно, не позволили имъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, своими силами и нанести чувствительный ударъ Германіи. Въ то время для французовъ не только флотъ, но и войска были то же самое, что мартышкѣ очки, такъ что этотъ примѣръ ничего не доказываетъ, да примѣровъ для доказательства пониже-

нія значенія боевой силы флота и не найдешь, такъ какъ даже самыя послѣднія событія показываютъ совершенно обратное. Вторые доводы: «небывалая прежде скорость мобилизаціи войскъ и огромное развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ»—тоже нисколько не умаляютъ значенія флотовъ потому, что какъ бы быстро ни сосредоточивались въ любыя мѣста сухопутныя войска,—все равно, они никогда не поспѣютъ за десантами, перевозимыми флотомъ. Послѣдній всегда имѣетъ возможность, при преобладаніи надъ морскими силами противниковъ, выбросить войска въ такіе береговые пункты, гдѣ ничего не будетъ готово для отраженія ихъ. Наконецъ, однѣ сухопутныя арміи въ любомъ ихъ количествѣ, при отсутствіи своего флота или приморскихъ крѣпостей, ровно ничего не подѣлаютъ съ чужими судами, такъ какъ послѣднія отгонятъ безъ всякаго вреда для себя хотя десятимилліонное войско и, подъ прикрытіемъ своихъ пушекъ, высадятъ десанты, настроятъ укрѣпленій и предоставятъ ихъ брать штурмомъ. Этихъ же укрѣпленій легко настроить и очень много, и въ такихъ мѣстахъ, что ихъ взять будетъ совершенно невозможно, какъ наприм., Гибралтаръ, Мальта, Кипръ, Аденъ, Сингапуръ, Гонконгъ и т. д. Всѣ же свои берега и всѣ свои острова и полуострова нельзя обратить въ сплошныя морскія укрѣпленія, да притомъ онѣ, все равно, не подчинятъ себѣ омывающія ихъ моря; поэтому безъ своего флота господствовать въ нихъ будетъ кто угодно, беря съ насъ любые поборы за привозимые и отвозимые товары. Если это можетъ нравиться, то гораздо проще отойдти совсѣмъ отъ береговъ, предоставивъ владѣть ими желающимъ: тогда, по крайней мѣрѣ, не только не потребуется урѣзывать морского бюджета, но и совсѣмъ его можно не имѣть!

Далѣе г. Кирѣевъ загадываетъ: съ кѣмъ Россія можетъ воевать?—и рѣшаетъ, что только съ Германіей, Австріей и Англіей. А съ Японіей, съ Америкой, съ Турціей, съ Италіей, со Швеціей—развѣ заключенъ вѣчный миръ? Разсуждая о войнѣ съ Германіей, г. А. Кирѣевъ увѣренъ, что вся она кончится на сушѣ. Съ этимъ не спорю: можетъ быть. Но у ней есть теперь колоніи, очень большой коммерческій флотъ и очень хорошій военный. Если мы не обратимъ вниманія на эти лакомые предметы, то будемъ поразительно великодушны, и Германія хотя будетъ очень признательна, но въ душѣ сочтетъ насъ за круглыхъ невѣждъ и дикарей, потому что ея военный и коммерческій флоты очень и очень помогутъ разбить русскихъ.

Относительно войны съ Англіей я съ горечью соглашаюсь съ г. А. Кирѣевымъ, что броненосцамъ придется сыграть «такую же безполезно-славную роль, которая выпала парусным кораблямъ въ 1854—56 гг.», потому что наши броненосцы будутъ раздавлены неограниченнымъ числомъ и силою, и что единственное наше спасеніе въ отличныхъ крейсерахъ, въ миноносцахъ, а главное—въ подводныхъ лодкахъ. Слѣдовательно, опять-таки главная защитница нашихъ береговъ и нашего могущества есть вѣрно организованная морская сила, но никакъ не одна сухопутная, о которой только и заботится г. Кирѣевъ, и, конечно, заботится все для того же похода въ Индію. Предположимъ, что мы «запоходимъ» эту самую Индію, какъ было съ Александромъ Македонскимъ, съ голландцами, съ французами, но что же дальше и надолго ли? Вѣдь дальше-то опять та же Англія возьметъ ее посредствомъ своего флота, посредствомъ денегъ и интригъ, потому что всѣмъ ясно, что двухсотмилліонное населеніе не можетъ держаться въ рабствѣ

силою ста тысячъ, или, иначе: одинъ человѣкъ не можетъ справиться съ двумя тысячами, если они дружно этого не захотятъ. Въ томъ-то и дѣло, что Англія владѣетъ своимъ гигантскимъ индійскимъ стадомъ только умомъ, а не силою, — совершенно такъ же, какъ десять дрессированныхъ слоновъ, даже съ обрѣзанными бивнями, гонятъ сотню верстъ черезъ дремучіе лѣса, черезъ болота и рѣки цѣлое стадо дикихъ слоновъ прямо въ тѣ мѣста, гдѣ на нихъ будутъ охотиться или по выбору, опять-таки при помощи ручныхъ же слоновъ, брать въ плѣнъ. Сумѣемъ ли мы такъ хорошо выдрессировать разныхъ раждей и начальниковъ кастъ, чтобы они настолько же хорошо гнали свои стада, какъ это дѣлаютъ для англичанъ? Сомнѣваюсь! Намъ и своего дѣла по-горло, а потому лучше, не мудрствуя лукаво, подражать той же Англіи, которая, ничего не боясь, надъ всѣми смѣясь, при ничтожной, мерзкой арміи, но при сильномъ флотѣ владѣетъ всѣмъ міромъ, чѣмъ брать примѣръ съ насъ же самихъ, съ Франціи, съ Испаніи и Китая, которыя всѣ такъ жестоко поплатились изъ-за пренебреженія къ своимъ флотамъ!

Морская сила въ сравненіяхъ.

«Нов. Вр». 4 марта 1900 г.

Испанцы, заведя порядочный флотъ, съ чисто дѣтскою безпечностью быстро запустили его и никакъ не хотѣли понять, что не онъ долженъ служить для пріятнаго благополучія гг. офицеровъ, а они должны рабски

подчиняться ему, какъ музыканты своимъ инструментамъ, и служить для безопасности страны, а потому когда случилась война съ американцами, которые сумѣли организовать свой флотъ такъ же стройно, какъ отличный оркестръ, то успѣхъ войны, конечно, оказался на сторонѣ ихъ, американцевъ. Здѣсь никакихъ случайностей быть не могло, такъ какъ успѣхъ былъ заранѣе обезпеченъ отличной подготовкой и безупречнымъ знаніемъ своего дѣла всего личнаго состава американскаго флота и полнымъ незнакомствомъ со своимъ оружіемъ въ испанскомъ флотѣ.

Подобное отношеніе къ дѣлу и нарушеніе тѣхъ или другихъ основныхъ принциповъ морской службы и флота зависитъ, конечно, отъ недостатка гражданскаго развитія, печальнаго непониманія значенія морской силы, и никогда никому не проходило даромъ.

Мы въ Крымскую кампанію, сравнительно, еще очень легко отдѣлались, такъ какъ насъ выручили если не корабли, которые никуда не годились, то—общая отличная постановка службы и геройское мужество экипажей. Испанія же пострадала жестоко! Вслѣдъ за потерею флота, пропали главныя колоніи, расшаталось экономическое благосостояніе, множество предпріятій остались безъ примѣненій или вытѣснены завоевателями, и массѣ людей съ ихъ семьями ничего другого не осталось, какъ голодать и нищенствовать. Участь Китая оказалась еще болѣе ужасною по тому безцеремонному раздѣлу, который теперь тамъ происходитъ, по окончательному отторженію его отъ морскихъ береговъ и по участи китайской интелигенціи, замѣняемой повсюду европейцами.

Главная причина упомянутыхъ бѣдствій заключалась въ ошибочномъ преувеличеніи значенія армій въ ущербъ флотовъ. Всѣ три державы полагали, что центръ тя-

жести могущества и безопасности странъ лежитъ въ сухопутныхъ войскахъ, а флотъ есть только приправа къ нимъ, нисколько или очень мало вліяющая на безопасность государствъ.

Однако слѣдовало бы своевременно помнить, что армія на морскихъ границахъ имѣетъ весьма относительное значеніе. Островныя государства могутъ не имѣть ни одного солдата и чувствовать себя великолѣпно до тѣхъ поръ, пока ихъ флотъ не будетъ запертъ или разбитъ. Вотъ если имъ вздумается нападать и отторгать чужія имъ владѣнія, то армія понадобится, да и то только для удержанія позиціи и для подавленія возстаній покоренныхъ жителей. Испанія могла бы гораздо вѣрнѣе защищать свои колоніи отъ внѣшнихъ враговъ однимъ флотомъ, а никакъ не арміею, которая, какъ дѣло показало, несмотря на большую численность, такъ и осталась безъ всякаго примѣненія. Китай могъ бы спать спокойно очень долго, если бы японцамъ не вздумалась понюхать: что за флотъ у китайцевъ. Въ Россію никто бы не посмѣлъ везти десантъ, если бы ея флотъ слѣдилъ за наукой и оставался бы на прежней высотѣ. Замѣчательно, что всѣ три колосса подверглись нападеніямъ державъ, которыя привезли къ нимъ маленькія арміи и, несмотря на то, кончили дѣло отлично. Вотъ доминирующее, громадное значеніе флота для обороны и нападенія противъ одной арміи!

Англія давно поняла всѣ выгоды сильнаго флота и, съ помощью его, не только держитъ весь міръ въ рукахъ, но и абсолютно никого не боится.

Но вѣдь имѣть флотъ, какъ флотъ, по одному названію еще не достаточно: надо имѣть его таковымъ, чтобы онъ вполнѣ оправдывалъ себя и чтобы на него всегда можно было положиться, а это бываетъ тогда, когда онъ

во всѣхъ развѣтвленіяхъ и подробностяхъ служитъ только прямому своему назначенію. По присущей же каждому современному флоту очень сложной организаціи, трудности управленія имъ и большой чуткости его ко всякаго рода нравственнымъ и матеріальнымъ упущеніямъ, значительно легче удерживать его на вѣрной дорогѣ странамъ съ высокой культурой, съ развитымъ общественнымъ мнѣніемъ и съ укоренившимися понятіями о долгѣ, о патріотизмѣ и національной гордости, а не такимъ какъ Испанія и Китай, гдѣ все сводится къ тупому, невѣжественному эгоизму. Потому-то и флотъ имъ былъ оружіемъ, какъ говорится, не по рукѣ. Что же изъ того, что они завели себѣ флоты и сейчасъ же обратили ихъ въ какія-то арендныя, оброчныя статьи для благородныхъ, но распущенныхъ и неспособныхъ къ труду и знаніямъ отпрысковъ изъ родовитыхъ фамилій? Начальникомъ китайскаго флота оказался кавалерійскій генералъ, а командирами—знатные мандарины подъ суфлерствомъ англичанъ. Могъ ли такой флотъ что-нибудь сдѣлать? Если Тингъ и два командира добровольно лишили себя жизни, то вѣдь Китайской имперіи оттого нисколько не легче!

Въ Испаніи тоже Богъ знаетъ, что творилось! Въ ней дотого было все странно и безтолково, что казалось, будто распущенность всего свѣта переселилась къ благороднымъ грандамъ, или не они сами распоряжались судьбами флота, а самые злѣйшіе ихъ враги, хотя тѣ же американцы, присланные задолго до войны. Испанцы имѣли отдаленныя колоніи, а корабли строили малаго водоизмѣщенія, которые даже до ближайшихъ изъ нихъ добирались съ трудомъ. Постройку вели такъ, что лучше бы было совсѣмъ не заводить ея. Корабли строились невозможно долго, стоили громадныхъ денегъ, порождали ужасающую

переписку: чертежи и спецификаціи составлялись кое-какъ съ крупнѣйшими ошибками, за которыя потомъ дорого раздѣлывалось правительство: хозяевъ было множество, но только не тѣхъ, кто дѣлалъ дѣло и кто долженъ былъ на судахъ плавать. По такому способу, конечно, никто бы изъ испанцевъ не сталъ строить свои дома,—но то собственное, а это казенное! Результатомъ такой системы явилось то, что, когда пришла война, понадобилось покупать у другихъ.

Снабженіемъ судовъ завѣдывало множество учрежденій и лицъ, но въ моментъ бѣды мало чего оказалось, почему эскадры сильно запоздали и пошли безъ калиброванныхъ снарядовъ и даже одинъ корабль—безъ пушекъ въ башняхъ. Въ колоніяхъ не было ни настоящихъ фортовъ, ни минного загражденія, ни миноносокъ, ни порядочныхъ судовъ.

Въ вѣкъ пара и машинъ у испанцевъ не оказалось ни механиковъ, ни машинистовъ, ни кочегаровъ:—пришлось брать по найму; а такъ какъ благородные гранды, гордые своимъ мнимымъ превосходствомъ, питаютъ презрѣніе къ такого рода спеціалистамъ, то послѣдніе, взамѣнъ того, не хотѣли быть при машинахъ, принуждались къ тому револьверами,—и въ бою не дали отъ своихъ машинъ надлежащаго хода. Послѣдняго, впрочемъ, и при полномъ желаніи нельзя было достигнуть, потому что команды никогда не практиковались въ этомъ.

Комендоры были, но стрѣляли невозможно скверно и дѣла своего совершенно не знали, вѣроятно, потому, что завѣдующими школой назначались лица не по спеціальности, а по родству, свойству, по симпатіямъ къ женамъ высшаго начальства и по пословицѣ: «Не боги горшки обжигаютъ». Вѣроятными противниками испанцевъ могли быть страны, гдѣ принята система продолжительной служ-

бы нижнихъ чиновъ, отчего послѣдніе, постоянно практикуясь, доходятъ до полнѣйшаго совершенства въ отведенномъ имъ дѣлѣ. У нихъ ежегодно нѣкоторая часть команды замѣняется новобранцами, а это ведетъ къ тому, что старые матросы за всю свою службу только учатся тому, чему обучаются молодые или, иначе говоря, сидятъ только въ приготовительномъ классѣ, что, конечно, нисколько не улучшаетъ ихъ качества. Ясно, что такіе матросы не могли соперничать съ американскими и справляться одновременно съ пожарами, со стрѣльбой, съ убитыми, ранеными: они сейчасъ же въ паникѣ все побросали и столпились, какъ бараны. Офицерство не могло своимъ примѣромъ воодушевить команды для защиты чести флага и отчизны, потому что они другъ друга едва знали по именамъ и фамиліямъ, а не только по другимъ свойствамъ, такъ какъ были на судахъ случайными элементами: являлись на нихъ для очереднаго прохожденія службы, а не для того, чтобы быть руководителями, быть душою командъ и судовъ. Общая опасность подвигнула ихъ для одного позорнаго бѣгства, но не для упорнаго сопротивленія и геройской смерти!

Какъ извѣстно, при прорывѣ изъ С.-Яго испанскіе броненосцы, не сдѣлавъ никакого поврежденія американцамъ, быстро загорѣлись: а такъ какъ въ огнѣ сражаться нельзя, то они, чтобы спастись вплавь, немедленно другъ за другомъ стали выкидываться на берегъ. Причина возникновенія пожаровъ приписывается конструкціи испанскихъ судовъ, при которой толстая броня, сосредоточиваясь по ватеръ-линіи, защищаетъ одни механизмы и плавучесть судовъ, но не прислугу съ артиллеріей, которыя, оставаясь совсѣмъ открытыми, несли сильный уронъ. Однако китайцы столбами огня пылали, а все-таки все время отстрѣливались отъ нападающихъ на

нихъ японцевъ. Въ старину отъ продольныхъ залповъ несли мгновенныя потери въ нѣсколько сотенъ людей, но не всегда сдавались; старые же корабли представляли изъ себя костры изъ смолы и дерева, да еще поджигали другъ друга спеціально выдуманными для этого калеными ядрами, и все-таки нетолько сражались, тушили пожары, но еще и управлялись подъ парусами, что, конечно, несомнѣнно труднѣе, чѣмъ паровыми машинами на современныхъ судахъ.

Почему же сами испанцы не зажгли американцевъ; почему они, загораясь, побѣжали къ берегу, а не пробовали таранить или сцѣпиться съ врагами и вмѣстѣ взорваться? Почему они, имѣя скорострѣльную артиллерію, никого не убили и, имѣя преимущество хода, никуда не ушли? Почему ихъ отличные миноносцы своими минами никого не пустили ко дну? Нѣтъ, причина не въ конструкціи судовъ: у нихъ башенныя пушки оставались подъ прикрытіями; одно изъ судовъ, купленное у итальянцевъ, было сплошь забронированное; у нихъ были миноносцы, которыхъ у американцевъ не было, а причина— въ людяхъ, въ постановкѣ службы и во всей фальшивой системѣ. Это ясно потому, что на судахъ были найдены прицѣлы поставленными на первоначальное большое разстояніе, которые при сближеніи съ американцами такъ и не измѣнялось, что показываетъ полное непониманіе дѣла. Въ найденныхъ вахтенныхъ журналахъ записи велись самымъ безпорядочнымъ образомъ, и если уже къ святая святыхъ всѣхъ коммерческихъ и военныхъ судовъ такъ относились, то легко можно представить себѣ, какъ шло у нихъ остальное! Хоть бы воспользовались урокомъ Японо-китайской войны и выбросили бы съ судовъ деревянныя переборки, шлюпки и остальное горючее, а то этого не сдѣлали, но догадались собрать

свои пожитки и отправить ихъ на болѣе быстроходное судно, и догадались щедро угостить команду ромомъ, предполагая, вѣроятно, замѣнить недостающее знаніе храбростью. Развѣ все это не показываетъ очень печальнаго состоянія гг. офицеровъ? Да откуда имъ взять-ся-то хорошимъ? Кто ихъ воспитывалъ въ правильныхъ понятіяхъ о гражданскомъ долгѣ, о признательности къ родинѣ, объ обязанностяхъ служить ей не только жизнью, но и честнымъ отношеніемъ къ дѣлу? Гдѣ они видѣли, что общественное благо должно быть выше личнаго и должно приноситься ему въ жертву? Кругомъ и въ самыхъ близкихъ имъ людяхъ они замѣчали совершенно обратныя теченія: все было построено на лжи, на лицемѣріи, на протекціи и на всевозможныхъ незаконныхъ поблажкахъ другъ другу и своимъ страстямъ. Никому никакого дѣла не было до пользы государства, а всѣ только считались съ одной личной пользой, беззастѣнчиво коверкая и подчиняя ей всѣ правила и законы государства.

Во флотъ и въ военную службу взяли въ привычку отдавать не цвѣтъ молодежи, а самый негодный отбросъ, который по лѣни и неспособностямъ никуда нельзя было больше пристроить, т. е. довѣряли наиболѣе дорогое и важное дѣло, охрану страны, самымъ ненадежнымъ силамъ, совершенно не понимая той страшной опасности, которой они подвергали себя, свое имущество и все государство, такъ какъ оттого, что вышелъ бы плохой адвокатъ, судья, священникъ и инженеръ, страна бы ровно или очень мало потеряла, но что выходили плохие воины отечества — теряла все или очень многое.

Развращенное начальство въ достигаемой власти видѣло не средство послужить честно и нелицемѣрно родинѣ, а только средство — удовлетворить своимъ низкимъ

побужденіямъ, насолить мнимымъ и дѣйствительнымъ противникамъ и пристроить за счетъ государства разныхъ родственниковъ и людей своей партіи. Къ этимъ злоупотребленіямъ власти такъ привыкли, что начали считать, что одного безъ другого не можетъ быть. Трудъ, знанія, усердная строевая служба никѣмъ не цѣнились, а цѣнилось и выдвигалось только то, что не относилось къ прямому дѣлу, т. е. служба въ гвардіи, въ администраціи, флагъ-офицерами, адъютантами.

Морская школа поручалась людямъ, не имѣющимъ ни научнаго, ни морскаго ценза. Дѣло воспитанія вели патеры и офицеры, давно окончившіе счеты съ моремъ. Пріемъ производился со слабой конкуренціей, съ различными привиллегіями, чѣмъ не только понижался уровень морскихъ знаній, но еще сильно ронялась дисциплина, такъ какъ во флотѣ развелось такое кумовство и родство, что совсѣмъ извратились служебныя отношенія: командиры, адмиралы не смѣли быть требовательными къ подчиненнымъ имъ офицерамъ изъ боязни нажить враговъ себѣ или своимъ дѣтямъ, тоже морякамъ. Эти же, въ свою очередь, скрываясь за своими папеньками и дяденьками, служили кой-какъ, предпочитая больше веселиться, чѣмъ учиться.

Сплошная темнота царила надъ беззаконными продѣлками всевозможныхъ аферистовъ, дѣлая ихъ совершенно безнаказанными, такъ какъ гласнаго обсужденія недостатковъ и злоупотребленій во флотѣ не допускалось: или изъ страха за свое благополучіе, или изъ кастовыхъ, ложныхъ предразсудковъ, или подъ предлогомъ охраны, дисциплины и безопасности страны. Въ другихъ странахъ ничего подобнаго нѣтъ, потому что тамъ отлично понимаютъ, что дѣйствительная сила государства заключается не въ мнимыхъ прикрытіяхъ раз-

ныхъ недостатковъ, а въ быстромъ устраненіи ихъ, чему гласность никогда не мѣшаетъ, а всегда помогаетъ указаніями и предостереженіями. Врагамъ же и безъ помощи печати все удается своевременно узнать и изучить: такъ нѣмцы, несмотря на молчаніе и тайну, все узнали про французовъ, японцы — про китайцевъ и англо-французы — передъ Крымской кампаніей о насъ.

Страшно неравномѣрно распредѣленное жалованье — совсѣмъ нищенское для подчиненныхъ и очень высокое для начальства — особенно помогало испанскимъ безпорядкамъ, такъ какъ являлось главной побудительной причиной для всевозможныхъ происковъ къ занятіямъ высокихъ, отвѣтственныхъ мѣстъ безъ малѣйшаго согласованія со способностями и знаніями претендентовъ. Въ этихъ неразборчивыхъ на средства искательствахъ даже самое умное и безпристрастное начальство никогда не могло бы справедливо разобраться, потому что въ нихъ замѣшивалось съ житейской точки зрѣнія столь законное стремленіе — устраивать приличную жизнь себѣ и семьѣ. Нѣсколько регулировать эти трудности могли бы обязательныя провѣрочныя испытанія, введенныя для опредѣленія годности лицъ если не по характеру, то хотя бы по теоретическому знакомству съ тѣмъ или другимъ дѣломъ. Но такъ какъ подобныхъ испытаній за всю службу не предъявлялось, то все добытое въ молодости быстро испарялось, умственныя способности безъ упражненій все слабѣли, и офицеры, добравшись до командировъ и адмираловъ, теряли волю и всякую самостоятельность, такъ какъ носили только маску знаній, но жили умомъ и знаніями своихъ подчиненныхъ. Отчасти поэтому, а отчасти по свойственному испанцамъ добродушію и халатности, они еще окончательно испортили присущее всѣмъ адмираламъ отвѣтственное поло-

женіе въ эскадрахъ, такъ какъ, во-первыхъ, выбирали для командованія людей ловкихъ или съ протекціей, которые сумѣли пройти службу безъ вахтъ, безъ занятій съ командой, безъ старшаго офицерства, а прямо начали съ командованія судами; во-вторыхъ, по тѣмъ же причинамъ ихъ не отдавали подъ судъ за пораженія, за аваріи, за гибель судовъ; но судили однихъ капитановъ. Разъ создались такія ненормальныя для всякой военной силы отношенія, то послѣдніе взяли волю надъ своими адмиралами и исполняли ихъ желанія только въ тѣхъ случаяхъ, когда судамъ не угрожали никакія опасности. Адмиралъ Сервера хотѣлъ выйти изъ С.-Яго до блокады, но капитаны воспротивились; потомъ онъ предполагалъ прорваться ночью, — капитаны опять не согласились. Между тѣмъ, выйди суда испанцевъ ночью,—часть ихъ непремѣнно ушла бы, а за остальныхъ американцы тоже навѣрно сильно поплатились бы, потому что ночью взаимный свѣтъ боевыхъ фонарей ослѣпляетъ глаза, мѣшаетъ цѣлиться изъ орудій, мѣшаетъ править судномъ, дѣлаетъ стрѣльбу очень безпорядочною, и всѣмъ этимъ облегчаетъ нападенія миноносцевъ. Заварилась бы такая каша, отъ которой если бы не поздоровилось испанцамъ, то не прошло бы даромъ и американцамъ! Хотя выходъ ночью изъ узкой бухты былъ затруднителенъ, но все-таки при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ вполнѣ возможенъ, а въ виду преимуществъ ночного боя—даже необходимъ; но командиры, зная напередъ, что, въ случаѣ постановки на мель, отвѣчать придется имъ, а не адмиралу, не захотѣли брать на себя вину и уклонились отъ желанія начальника. Здѣсь произошло то, что всегда будетъ происходить, ведя къ однимъ несчастіямъ и пораженіямъ, когда власть ввѣряется людямъ, нисколько не подготовленнымъ къ предстоящей роли, да еще и не отвѣтствен-

нымъ ни за себя, ни за подчиненныхъ. Хорошо будетъ то войско, гдѣ за проигранныя сраженія отвѣчаютъ полковые командиры, а не главнокомандующій, который ими руководитъ! такое многоголовое войско никогда никакого успѣха имѣть не будетъ!

Сервера не былъ адмираломъ: потому что не могъ настоять на исполненіи своей воли: онъ не пользовался достаточнымъ авторитетомъ, потому что былъ только свидѣтелемъ поступковъ своихъ командировъ, но не начальникомъ, чтобы мужественно умереть на ввѣренномъ ему посту, какъ сдѣлалъ это добровольно адмиралъ Трейонъ при гибели «Victoria»; потому что Сервера не стыдится пораженій, а ждетъ поощренія и наградъ. Тамъ, гдѣ закона и порядка не существовало, гдѣ изъятія и исключенія изъ нихъ были правилами, гдѣ всѣ интересы государства подчинялись низкимъ страстямъ и случайному произволу: тамъ все возможно, — даже награды за трусость и преслѣдованія за мужество, какъ Васко-де-Гама и Колумбъ! Страны, которыя въ военной, морской силѣ добровольно закрываютъ глаза на свои язвы, усердно культивируютъ тунеядцевъ, хищниковъ и тупицъ, — несомнѣнно роютъ себѣ глубокую яму. Что посѣяно, то и пожать придется! Говорятъ, что испанцы, начиная войну, совсѣмъ не вѣрили въ успѣхъ ея, чѣмъ и были заранѣе побѣждены. Да какъ же, зная хоть немножко создавшіеся порядки, можно было надѣяться даже на минутный успѣхъ? Несомнѣнно, никакъ нельзя!

Если, наоборотъ, американцы твердо вѣрили въ свои силы, были глубоко убѣждены въ своихъ побѣдахъ надъ испанцами, то они на это имѣли полное право, такъ какъ ихъ организація морской службы, несмотря на молодость флота, такъ отлично разработана, что могла бы служить образцовымъ примѣромъ не только для Испаніи, но и для всякой другой державы.

Чтобы не быть голословными, мы приведемъ здѣсь выдержку изъ статьи капитана 2-го ранга князя Ливена, который былъ очевидцемъ всей Испано-американской войны, какъ представитель отъ нашего морского министерства. Вотъ что буквально говоритъ онъ въ «Морскомъ Сборникѣ» за іюнь мѣсяцъ, на стр. 22, 23 и 24-й: «Изъ всѣхъ фактовъ войны, обращающихъ на себя вниманіе, самый поразительный, это — огромное превосходство американскаго личнаго состава надъ испанскимъ. Надо полагать, что главная причина лежитъ въ распространенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ взглядахъ на человѣческій трудъ вообще. Тамъ хорошая работа и способности цѣнятся выше всего, выше всякаго имущества, золота и серебра. Всякій сознаетъ, что умѣнье не можетъ быть замѣнено ничѣмъ. Послѣдствіемъ этого взгляда является очень щедрое вознагражденіе труда. На каждомъ болѣе или менѣе отвѣтственномъ мѣстѣ стараются непремѣнно имѣть наилучшія способности, чего бы онѣ ни стоили. Гонятся исключительно за качествомъ труда, а не за дешевизной. Дешевая посредственность почти не находитъ себѣ примѣненія. При такихъ обстоятельствахъ всякій знаетъ, что онъ можетъ разсчитывать на полное вознагражденіе и одобреніе за свою работу,—и старается дѣйствовать полными силами. Толковая напряженная работа всегда окупится во сто кратъ, чего бы она ни стоила, а дешевая ограниченность способна разорить несмѣтныя богатства.

«Такое общее настроеніе отзывается и на организаціи флота. Платятъ хорошо, но требуютъ дѣла. Неспособныхъ людей не держатъ и принимаютъ только знающихъ свои обязанности. Офицеры практически и теоретически знаютъ свое дѣло: они прошли основательную школу, очень долго сидятъ въ каждомъ чинѣ.

имъ приходится передъ каждымъ производствомъ держать экзамены; далеко не всѣ могутъ надѣяться быть командирами, но они остаются на службѣ, потому что хорошо обезпечены, и всячески стараются усовершенствоваться, чтобы не остаться за флагомъ. Нижніе чины въ такомъ же положеніи. Рулевой умѣетъ править, комендоръ - стрѣлять; сигнальщикъ знаетъ свои сигналы, машинистъ - свою машину; кочегаръ умѣетъ держать паръ; потому что ни одного изъ этихъ людей не держали бы на службѣ, если бы они не знали своего дѣла. Всѣ эти строгости возможны потому, что хорошо платятъ и недостатка въ людяхъ нѣтъ. Конечно, расходъ на личный составъ—огромный, но онъ разумный. Даже въ мирное время содержаніе флота стоитъ сравнительно дешевле другихъ, потому что содержаніе личнаго состава окупается на сокращеніи расходовъ по матеріальной части. Это нетрудно показать на примѣрѣ. Всѣмъ извѣстно, что опытный кочегаръ, если захочетъ, истратитъ вдвое меньше угля, при тѣхъ же обстоятельствахъ, противъ неумѣлаго. На Oregon 78 кочегаровъ. Онъ во время блокады приблизительно въ мѣсяцъ истратилъ 1,500 тонъ угля; при плохихъ же кочегарахъ онъ истратилъ бы 3,000 тоннъ. Считая по 8 р. за тонну, получаемъ тутъ экономію въ 12,000 р. Если ее раздѣлить между кочегарами, то на каждаго получается болѣе 150 р. Значитъ, можно безъ всякаго ущерба заплатить хорошему кочегару 150 руб., и стоимость его въ концѣ-концовъ та же, что мужика, которому ничего не платятъ. Выгода же будетъ та, что въ критическую минуту машина даетъ дѣйствительно полный ходъ. Говорить про цѣнность личнаго состава въ военное время излишне, такъ какъ ясно, что его никакими деньгами не оплатишь.

Итакъ, если въ Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ знанія, трудъ и опытность цѣнятся мало, скорѣе пустыя, ничего незначащія слова, то въ Америкѣ это — краеугольный камень и святая святыхъ всякаго дѣла. Безъ знаній ничего не можетъ идти, оно незамѣнимо! Знаніе тщательно воспитывается, и на него американцы не жалѣютъ никакихъ денегъ! Упражненіе даетъ опытъ и совершенствуетъ всякое знаніе; поэтому расходовъ на практику тоже не боятся, зная напередъ, что затраченный трудъ и деньги всегда вернутся съ лихвой. Но бросать деньги зря на одни зачатки знаній или на завѣдомо негодный матеріалъ нельзя, а потому американцы тщательно подбираютъ хорошихъ людей, заинтересовывая ихъ трудъ и службу хорошимъ содержаніемъ, и безъ всякой жалости выбрасываютъ негодныхъ и неспособныхъ. Протекціи совсѣмъ нѣтъ мѣста, потому что лѣнтяй полезнѣе на улицѣ, а малоспособный—въ богадѣльнѣ, но не на отвѣтственномъ посту охраны государства. Какая сила или родство рѣшатся супуть въ хорошій оркестръ людей, не владѣющихъ своими инструментами?! Что всѣмъ понятно относительно оркестра, имѣющаго самое мимолетное, ничтожное значеніе для жизни человѣка, то ничего подобнаго невозможно допускать въ той средѣ, которая одна охраняетъ безопасность государства и подъ этой охраной даетъ возможность мирно существовать трудами рукъ и ума милліонамъ человѣческихъ существъ. Поступать иначе—значитъ намѣренно готовить вѣрную гибель родной странѣ, а потому вся забота американцевъ постоянно направлена не только на великолѣпный подборъ личнаго состава, но также на сохраненіе за нимъ нужнаго боевого качества посредствомъ строгаго подчиненія одному прямому дѣлу, посредствомъ постоянныхъ повѣрочныхъ экзаме-

новъ и вполнѣ обезпеченнаго для всѣхъ чиновъ жалованья. Все, что не относится къ непосредственой службѣ на боевыхъ судахъ, то совсѣмъ не считается, а потому ни старшими офицерами, ни командирами, а слѣдовательно и адмиралами, не могутъ быть тѣ, кто остается болѣе двухъ лѣтъ при портахъ, въ штабахъ, въ училищахъ или флагъ-капитанами, флагъ-офицерами, адъютантами и т. д.

Хорошее, равномѣрное жалованье и повѣрочные экзамены очень облегчаютъ выборъ надежныхъ начальниковъ, давая возможность не стѣсняться и не принимать въ разсчетъ улучшенія матеріальнаго положенія, связаннаго съ повышеніями во власти. А это громадный шансъ передъ всѣми другими флотами, такъ какъ обезпеченіе государства дѣльными, знающими, способными начальниками почти все въ военной службѣ, потому что эти качества быстро завоевываютъ уваженіе и любовь къ своимъ командирамъ подчиненныхъ, создаютъ ту тѣсную связь и единство, которыя только одни, а не внѣшняя дисциплина, вырываютъ побѣду, заставляютъ въ моменты величайшей опасности не теряться и не бояться смерти.

Этому также очень помогаетъ единство воспитанія механиковъ и флотскихъ офицеровъ въ одномъ и томъ же училищѣ, куда они поступаютъ по сильнѣйшей конкуренціи уже вполнѣ сознательными молодыми людьми безъ всякихъ привиллегій, исключая, кажется, дѣтей умершихъ моряковъ, учатся три года вмѣстѣ и только на послѣдній дѣлятся добровольно по спеціальностямъ. Побужденіемъ къ выбору механической профессіи является обыкновенно увеличенное содержаніе противъ флотскихъ офицеровъ. Теперь же и въ этомъ сознанъ вредъ, и американцы рѣшили не имѣть двухъ корпусовъ офицеровъ,

а считать всѣхъ флотскими офицерами, какъ это уже есть для артиллерійскихъ, минныхъ и штурманскихъ.

По окончаніи училища, они не попадаютъ сразу въ офицеры, а еще два года плаваютъ на боевыхъ судахъ, и только послѣ новыхъ экзаменовъ производятся въ субъ-лейтенанты, или, по нашему, въ мичмана. Для слѣдующихъ чиновъ опять провѣрка, опять экзамены. Въ командиры тоже никто не попадетъ, не пройдя курса и не сдавши экзамена въ Морской академіи.

Итакъ, если въ Америкѣ можно безъ научнаго ценза сдѣлаться профессоромъ, докторомъ, инженеромъ и даже президентомъ, то ни въ какомъ случаѣ безъ соотвѣтствующаго образованія нельзя оказаться ни офицеромъ, ни командиромъ, ни адмираломъ, что собственно совершенно правильно, такъ какъ внѣшняя охрана государства есть наиболѣе важная и необходимая функція въ жизни каждаго самостоятельнаго народа.

Нижніе чины набираются изъ охотниковъ на продолжительный срокъ, очень хорошо оплачиваются и тоже подвергаются строгимъ и частымъ испытаніямъ.

Управленіе флотомъ, портами,—словомъ, вся администрація чрезвычайно проста, удобна и состоитъ изъ немногочисленнаго персонала. Постройка кораблей, отчетность, вся служебная переписка такъ удивительно практичны, что могутъ цѣликомъ, безъ поправокъ, быть принятыми для любой страны. Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что правильному и отличному устройству своей морской силы американцы обязаны не только своему врожденному генію, но также—очень развитой и отзывчивой на все печати, которая, какъ истинная выразительница народнаго мнѣнія, ничего не оставляетъ безъ собственнаго обсужденія и того рѣшенія, которое помогаетъ ставить любое дѣло въ вѣрныя условія.

Она же, какъ всевидящій и самый бдительный сторожъ государства, зорко слѣдитъ, немедленно указывая на всѣ упущенія, на произволъ или недобросовѣстность и несправедливость лицъ, взявшихъ на себя охрану безопасности страны и народа. Эта широкая гласность нисколько не боится уронить дисциплину и субординацію въ войскахъ, такъ какъ отлично понимаетъ, что освѣщеніе разныхъ темныхъ продѣлокъ опасно только для плутовъ, а не для честныхъ людей. Эта же печать даже намъ помогла открыть злоупотребленія съ котиками.

Колоссы-броненосцы, водоброныя суда и подводныя лодки.

«Нов. Вр.» 7-го марта 1903 г.

На протяженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій человѣчество знало, съ незначительными измѣненіями, единственный типъ военнаго судна — гребную галеру, потомъ сравнительно недолго — парусный корабль, затѣмъ совсѣмъ мало паровой, деревянный корабль, потомъ желѣзный, бронированный, а теперь уже переходитъ къ водоброннымъ и подводнымъ судамъ.

Парусный линейный корабль легче справлялся съ морскими погодами и волнами, почему безъ труда вытѣснилъ галеру; паровой корабль еще легче побѣждалъ волну и вѣтеръ, почему очень быстро завоевалъ подходящее ему мѣсто; винтъ удобнѣе колесъ, — и послѣднія пропали; эскадренный броненосецъ на томъ же основаніи превзошелъ прибрежный, а броненосецъ-крейсеръ на всѣхъ

парахъ начинаетъ вытѣснять обыкновенный линейный броненосецъ, но за то самъ, чуя конецъ, пробуетъ обратиться въ колосса и все-таки погибнуть подъ ударами полуподводныхъ и чисто подводныхъ судовъ, такъ какъ послѣднія, призвавъ въ союзъ воду, не только не боятся бурь и волнъ, но и пушекъ.

Всѣ эти перемѣны всегда сопровождались горячими спорами и вводились въ жизнь съ большими затрудненіями, въ особенности со стороны любителей старыхъ традицій, но въ концѣ-концовъ косность и непредусмотрительность или побѣждалась естественнымъ ходомъ вещей, или за нихъ приходилось нести горькое наказаніе, какъ это случилось съ нами въ эпоху Крымской кампаніи. Дай Богъ хотя теперь избѣжать намъ подобнаго же несчастія!

Обыкновенно однимъ изъ существенныхъ возраженій для перемѣнъ въ типахъ военныхъ судовъ служитъ не столько препятствія въ техникѣ, сколько стремленіе считать флотъ арміей и вообще сравнивать несравнимое, такъ какъ хотя штыкъ и молодецъ, но таранъ не есть штыкъ; хотя арміи и нельзя представить себѣ безъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, но броненосцы, канонерскія лодки, крейсера, миноносцы, а также бывшіе корабли, галеры, бомбардирскія суда, фрегаты, корветы, клипера —совсѣмъ не отдѣльныя части сухопутныхъ войскъ, а только приборы для борьбы и передвиженій людей. Поэтому если подраздѣленіе арміи на роды оружія необходимо и вѣковѣчно, то для судовъ такой привиллегіи совсѣмъ не существуетъ: сегодня одно, завтра другое, а въ концѣ-концовъ остаются неизмѣнными только вода и способность держаться на ней посредствомъ пловучести, т. е. непроницаемости днищъ. Какъ никакой фортъ или крѣпостная стѣна не уцѣлѣютъ отъ взрыва хорошей под-

земной мины: такъ и никакое дно корабля не выдержитъ одного-двухъ взрывовъ подводныхъ минъ.

Охота на днища судовъ посредствомъ тарановъ началась еще со времени галеръ и теперь, конечно, съ развитіемъ минъ и подводныхъ судовъ, должна принять тотъ острый характеръ, отъ котораго надводнымъ судамъ несомнѣнно не сдобровать. Цѣпляться въ настоящее за артиллерію, за броненосцы, а тѣмъ болѣе за небронированныя легкія суда такъ же странно, какъ при появленіи Меримака и Монитора — за гладкостѣнныя пушки и за деревянныя суда. Я увѣренъ, что не только четыре легкихъ крейсера, но и двѣнадцать не могутъ сражаться, особенно на качкѣ, съ однимъ броненосцемъ или сильнымъ бронированнымъ крейсеромъ, такъ какъ: во-первыхъ, при существующей дальности полета снарядовъ они будутъ попадать другъ въ друга; во вторыхъ, каждый мелкій снарядъ броненосца, пронизывая тонкіе борта насквозь, будетъ взрывать ихъ паровыя трубы, ломать механизмы, уничтожать приводы, подачу и т. д.; въ третьихъ, сила взрыва современныхъ снарядовъ, начиненныхъ лидитомъ или денитомъ, такова, что ихъ газы душатъ людей, выпучиваютъ палубы, вырываютъ внаружу борта, а сотни мелкихъ стальныхъ кусковъ отъ снарядовъ, разлетаясь съ ужасающей быстротой, пронизываютъ тонкія стѣнки и бьютъ наповалъ людей; въ четвертыхъ, незащищенная ничѣмъ прислуга отъ орудій и подачи будетъ страдать не только отъ этихъ кусковъ, но еще отъ контузій быстро летящихъ снарядовъ и пулеметовъ; въ пятыхъ, мѣткость въ бою изъ орудій вообще ничтожна, что-то около 4-хъ процентовъ, а съ этихъ болтающихся и обливаемыхъ волнами мелкихъ судовъ будетъ совсѣмъ круглый нуль, между тѣмъ какъ съ мало-качающагося броненосца она все-таки не упадетъ ниже 2-хъ процентовъ.

Одно время всѣ иностранныя государства сильно увлекались этими палубными крейсерами и строили ихъ десятками и сотнями, но теперь, кромѣ насъ, никто ими не прельщается, и уже года три какъ окончательно бросили ихъ строить.

Вообще странно какъ-то слышать голоса въ пользу беззащитныхъ отъ артиллеріи судовъ, когда боевые опыты въ Японо-китайскую и Испано-американскую войны доказали совершенно противное, а наша война съ Турціей еще значительно ранѣе подтвердила съ очевидною ясностью, что вотъ бригъ «Меркурій» и фрегатъ «Флора» могли въ свое время сражаться съ линейными, многопушечными кораблями, а наши пароходы «Великій Князь Константинъ», «Веста», «Россія» совершенно пассовали передъ турецкими броненосцами. Кажется, чего яснѣе, а вотъ все-таки среди флота находится много лицъ, которыя склонны стоять не за качество судовъ, а за количество, не за мины, а за пушки, хотя первыя, несмотря на всю свою примитивность, кой-что намъ сдѣлали, а вторыя даже и при поповкахъ—равно ничего. Не знаменіе ли это времени, не признаки ли это нашей старости?!

Итакъ, небронированныя боевыя суда совершенно никуда негодны; но и броненосцы, если только они пробиваются ядрами, еще менѣе годны, потому что цѣна ихъ неизмѣримо выше, а опасность отъ взрывовъ минъ, отъ внутреннихъ разрушеній и задушеній людей отъ газовъ разрываемыхъ снарядовъ чуть не во сто разъ больше.

А такъ какъ непробиваемыхъ снарядами и непотопляемыхъ минами броненосцевъ пока нѣтъ, то намъ слѣдуетъ выдумать таковые, или совсѣмъ уже отказаться какъ отъ нихъ, такъ и отъ небронированныхъ судовъ, и пойти по совершенно другой дорогѣ.

Предположимъ, что, вопреки всей нашей некультурности и неразвитости по техникѣ, мы изобрѣли такой великолѣпный броненосецъ, который вслѣдствіе предѣльныхъ размѣровъ, допускаемыхъ строительными матеріалами, стоитъ милліоновъ шестьдесятъ и имѣетъ наитолстѣйшую броню, наисильнѣйшую и многочисленнѣйшую артиллерію, наибольшій ходъ, громадный районъ плаванія и такую совершенную пловучесть или такое дно, что ударъ тарана и взрывъ обыкновенной не донной мины нисколько не вліяютъ на его боевыя качества. Мало того, пусть онъ будетъ настолько могучъ, неуязвимъ и упоренъ въ бою, что всѣ существующіе броненосцы становятся въ отношеніе его какъ прежнія деревянныя или тонкостѣнныя желѣзныя суда въ отношеніи перваго монитора, и, кромѣ того, пусть онъ признается не ранѣе побѣжденнымъ, какъ при условіи одновременнаго нападенія трехъ такихъ же гигантовъ. Словомъ, всѣ случайности исключены—и въ рукахъ человѣка не броненосецъ, а прямо чудо.

Такъ какъ намъ приходится защищать три раздѣльныхъ театра войны: Балтійское, Черное, Японское и Желтое моря, то мы обязаны выстроить три такихъ чуда и затратить на нихъ слѣдовательно 180 милліоновъ, а между тѣмъ ближайшіе наши сосѣди, сдѣлавъ тоже самое, т. е. вложивъ тѣ же деньги, все-таки окажутся сильнѣе насъ и будутъ въ состояніи разбить наши броненосцы и по очереди и сразу, если придутъ къ соглашенію.

Если мы затратимъ 360 милліоновъ и выстроимъ по два такихъ гиганта на каждое изъ морей, то Турціи можетъ помочь Австрія или Италія, а Японіи Англія — и опять мы окажемся слабѣе ихъ.

Словомъ, намъ эта борьба не по карману, несмотря на фантастическое допущеніе необыкновенно выгодныхъ

для насъ условій, такъ какъ нашимъ сосѣдямъ достаточно вкладывать немного болѣе $^1/_3$, чтобы быть сильнѣе насъ, а совсѣмъ не единицу, какъ допустили мы. Кромѣ того, она безконечна, и потому лучше перейти къ такимъ средствамъ, которыя не только вполнѣ защищаютъ насъ, но и самую морскую войну съ Россіей дѣлаютъ безсмысленной и невозможной.

Хотя водобронныя суда[1]) не устраняютъ взаимной борьбы минами и таранами, но они, какъ прелюдія, какъ конвоиры подводныхъ лодокъ, до лучшаго ихъ усовершенствованія, очень полезны и необходимы, такъ какъ безусловно упраздняютъ современные броненосцы и крейсера своею незамѣтностью, быстротою хода, большимъ райономъ плаванія, мореходными качествами и надежною неуязвимостью отъ артиллерійскихъ снарядовъ. Въ погруженномъ состояніи эти суда мало качаетъ, и потому стрѣльба минами съ нихъ должна быть довольно мѣткою. Стоятъ онѣ вѣроятно около 600,000 и будутъ требовать на двѣ смѣны человѣкъ 10 офицеровъ и человѣкъ 100 команды. Намъ ихъ потребуется на три окраины 30 шт.

Подводныя лодки, какъ я не разъ указывалъ въ «Морскихъ разговорахъ», дѣлаютъ морскую войну безцѣльною, потому что ни сражаться между собой, ни пользоваться плодами побѣдъ не могутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря полной невидимости и неуязвимости со стороны своихъ противниковъ, онѣ настолько надежно защищаютъ порта и берега, что своимъ присутствіемъ

---

[1]) Водобронныя суда Джевецкаго имѣютъ верхней палубой два потолка, наполненныхъ пробкою, а нижней—броневой полъ. Въ это пространство, когда нужно, быстро вливается вода и судно погружается въ воду до самой пробки т. е. футъ на шесть. Подъ броневымъ поломъ находятся люди, механизмы и минные аппараты.

устраняютъ надобность въ морскихъ крѣпостяхъ. Правда, нападать минами на взаимномъ ходу очень трудно, но стоя на мѣстѣ и подкарауливая цѣль — уже гораздо легче, а по неподвижной цѣли настолько легко, что не стоитъ говорить. При тѣхъ же условіяхъ, но на качкѣ, стрѣльба изъ орудій куда хуже, а однако отъ пушекъ не отказываются и считаютъ ихъ главнымъ оружіемъ. Подводныя лодки совсѣмъ не качаются, и при томъ мина не боится ошибокъ въ углахъ наклоненій, потому что имѣетъ приборы, которые заставляютъ ее идти по заданной глубинѣ и по назначенной линіи. Хотя скорость мины всего 45 верстъ въ часъ, а дистанція, съ которой стрѣляютъ, около полверсты, но зато попаданіе ея въ кузовъ судна дѣлаетъ въ немъ такую громадную пробоину, что каждый корабль долженъ или потонуть, или идти въ докъ.

Подводныя лодки въ такой же степени не повреждаются на близкой дистанціи отъ минъ, какъ и прежнія суда при взрывахъ своихъ шестовыхъ, крылатыхъ, и минъ Гарвея. Замѣтить и предупредить нападеніе подводной лодки даже днемъ едва ли возможно, а она изъ-подъ воды видитъ черезъ перископъ настолько же хорошо, какъ и мы въ окна. Въ сумракъ же, въ дождь, при ряби на водѣ даже съ воздушнаго шара не откроешь ея присутствія. Подобная безопасность и невидимость допускаетъ атаку со стороны управляющихъ лодкою съ полнымъ спокойствіемъ, увѣренностью въ успѣхѣ и безъ всякой торопливости. Благодаря же пользованію тѣмъ же боевымъ компасомъ, который ставится на всѣхъ военныхъ судахъ, и району плаванія по поверхности воды, достигающему 600 миль, а по американскимъ свѣдѣніямъ и до 2,000 м., она пріобрѣтаетъ способность не только взаимной поддержки, крейсерства, но и отхода къ близлежащимъ чужимъ портамъ. Гоняться подводнымъ лод-

камъ за судами по океанамъ совсѣмъ незачѣмъ, потому что какъ ни какъ, а конечная цѣль и назначеніе всѣхъ коммерческихъ или военныхъ кораблей все-таки берега и порта. Никакіе боны задержать отъ входа лодокъ въ порта не могутъ уже потому, что они должны открываться для пропуска своихъ же судовъ, чѣмъ и будутъ, кромѣ ныринія, пользоваться подводныя лодки. Ходить на буксирахъ онѣ такъ же способны, какъ и обыкновенныя суда. Скорость ихъ пока не велика, 6 — 9 узовъ, но это конечно, какъ и первыхъ пароходовъ, очень временно, такъ какъ слышно уже о взрывчатыхъ машинахъ въ 3,000 силъ. Есть въ лодкахъ и другіе недостатки; но какъ война родитъ героевъ, такъ и широкое пользованіе ими очень быстро доведетъ лодки до полнаго совершенства. Опытъ и дружная работа—лучшіе работники имъ!

Стоимость лодки вѣроятно 300 тысячъ; офицеровъ и команды на двѣ смѣны 8 и 40 человѣкъ. Для трехъ нашихъ окраинъ ихъ требуется штукъ 60. Слѣдовательно затрата государства въ 36 мил. дѣлаетъ годовой бюджетъ по морской охранѣ страны 16 — 18 миліоновъ и, значитъ, дастъ такую крупную экономію, которая безъ труда позволитъ правительству: или отлично обезпечитъ весь личный составъ, оставшійся за флагомъ, или же весь его удержать на службѣ при прежнихъ основаніяхъ. Эта увѣренность въ своемъ будущемъ несомнѣнно чрезвычайно важна для обѣихъ сторонъ.

Итакъ, чего же бояться?

Неуловимое морское равновѣсіе.

«Нов. Вр.» 23-го апрѣля 1903 г.

Разрушительная сила современныхъ судовыхъ и крѣпостныхъ пушекъ превосходитъ всякое воображеніе: она прямо ужасна!

Представлю здѣсь нѣкоторыя интересныя данныя объ употребляемой теперь на военныхъ судахъ артиллеріи. Слова «пушка» и «орудіе» — одно и то же. Пушки носятъ названія не по вѣсу, а по внутреннему діаметру стволовъ. Орудія до 6-ти дюймовъ діаметра предназначаются для разрушенія брони, а ниже—для стрѣльбы по небронированнымъ частямъ судовъ, по людямъ и по атакующимъ миноносцамъ. Пушки заряжаются ядрами, бомбами, картечью, называемыми однимъ словомъ «снарядъ», и бездымнымъ, химическимъ порохомъ, называемымъ «зарядъ». Крупныя пушки ставятся на судахъ въ бронированныхъ вращающихся башняхъ, въ бронированныхъ казематахъ, а мелкія — большей частью безъ всякой защиты. Для мѣткой стрѣльбы необходимо знать разстояніе до цѣли, которое опредѣляется особыми приборами, называемыми дальномѣрами, и скорости судовъ, опредѣляемыя лагами и на глазъ. Разстоянія мѣряются кабельтовами, равными 600 футамъ: 10 кабельтововъ составляютъ морскую милю, равную $1^3/_4$ версты. Скорость судовъ мѣряется узлами, которые для безопасности плаванія считаются нѣсколько короче $^1/_{120}$ морской мили. Проходимое судами разстояніе и вообще протяженіе никогда не обозначается узлами, а всегда милями. Крупные вѣса обозначаются въ тоннахъ, равныхъ 62 пудамъ. Стрѣлять мѣтко изъ пушекъ на ходу, на качкѣ и въ сраженіяхъ чрезвычайно трудно.

Употребляемыя теперь судовыя 12 д., 10 д., 8д., 6 д., 3 д. (75 милим.) и 2 д. (47 милим.) орудія выбрасывають приблизительно слѣдующіе по вѣсу снаряды: $20^{1}/_{4}$ пуд., $13^{3}/_{4}$ пуд., $5^{1}/_{4}$ пуд., $2^{1}/_{2}$ пуд., 12 фунт. и $3^{3}/_{4}$ фунт. Для заряженія, прицѣливанія и производства выстрѣла изъ каждаго упомянутаго орудія требуется такое время: 4 мин., 4 мин., 1 м., $^{1}/_{2}$ м., $^{1}/_{4}$ м. и $^{1}/_{8}$ м. слѣдовательно, каждая пушка въ продолженіе часа дѣлаетъ 15, 15, 60, 120, 240 и 480 выстрѣловъ. Такъ какъ всякій выстрѣлъ сжигаетъ внутренній стволъ орудія, то черезъ 200, 250, 700, 1.000, 2,000 и 8,000 выстрѣловъ упомянутыя орудія дѣлаются негодными для мѣткой пальбы.

Наивысшая цѣна выстрѣла съ погашеніемъ на стоимость орудія приблизительно такая: 1,251 руб., 767 руб., 374 руб., 176 руб., 25 руб. и 7 руб. Часовая стрѣльба трехъ одинаковыхъ нашихъ броненосцевъ: «Полтавы», «Севастополя» и «Петропавловска» составитъ 1.106,460 рублей. Трехъ одинаковыхъ броненосцевъ: «Осляби», «Пересвѣта» и «Побѣды» будетъ стоить 1.396.620 рублей: Броненосца «Ретвизанъ»—515,700 руб. и шести одинаковыхъ еще строящихся броненосцевъ: «Орла», «Бородино», «Князя Суворова», «Цесаревича», «Александра III» и «Славы» будетъ равна 3.094,200 рублямъ. Всѣхъ же тринадцати судовъ составитъ 6.012,980 рублей, не считая десантныхъ пушекъ Барановскаго, 37 милим. ружей и пулеметовъ. Такимъ образомъ, двухчасовая пальба расходуетъ стоимость большого броненосца: но утопятъ ли эти рубли безъ помощи мины одного непріятеля въ сраженіи—это еще большой вопросъ. Запасъ снарядовъ и зарядовъ на судахъ нельзя имѣть болѣе чѣмъ на $2^{1}/_{2}$ часа безпрерывной стрѣльбы для большихъ пушекъ и часа на $1^{1}/_{2}$—для малыхъ. А что произойдетъ, если на нашихъ

судахъ во время боя выйдутъ всѣ снаряды и заряды, а на непріятельскихъ, вслѣдствіе болѣе крупныхъ ихъ размѣровъ, еще останутся: не придется ли тогда основать все наше спасеніе на той же минѣ, такъ какъ преимущества въ скорости тоже не существуетъ?

Число попаданій изъ каждаго орудія надо считать не болѣе 10%, хотя практически изъ цѣлаго ряда сраженій вычислено не болѣе 5%. А такъ какъ только нормальныя попаданія снарядовъ въ броню очень разрушительны и совсѣмъ мало дѣйствительны попаданія ихъ вскользь или вообще подъ большими углами наклоненій, то количество существенныхъ пораженій отъ снарядовъ будетъ еще меньше 5%.

Броненосные снаряды изъ упомянутыхъ 12 дюйм., 10 дюйм., 8 дюйм., 6 дюйм., 3 дюйм. (75 милим.) и 2 дюйм. (47 милим.) орудій пробиваютъ лучшую теперь цементованную крупповскую броню на разстояніяхъ 6 и 12 кабельтововъ (1 вер. 14 саж. и 2 вер. 28 саж.) въ слѣдующихъ толщинахъ: 16 и 14 д., $14^1/_4$ д. и $12^1/_2$ д., $10^1/_2$ и $8^1/_2$ д., $6^1/_2$ и $5^1/_2$ д., $2^1/_2$ и $1^1/_2$ д., $1^1/_4$ и 1 дюймъ. Далѣе 14 кабельтововъ и 22 стрѣльба изъ 47 милим. и 75 мил. орудій безполезна.

На 24 и на 30 кабельтовахъ (4 вер. 57 саж. и 5 вер. 72 саж.) 12 д., 10 д., 8 д. и 6 д. пушки пробиваютъ: $10^1/_2$ и $8^1/_4$ д., $9^1/_2$ и 8 д., $5^1/_4$ и $4^3/_4$, 3 и $2^1/_2$ д. На предѣльной дальности въ 48 кабельт. 6 дюйм. пушка пробиваетъ еще $1^3/_4$ д., 12, 10 и 8 дюйм., на 60 кабельт. ($10^1/_4$ версты) еще $5^1/_4$, $4^3/_4$ и $2^1/_2$ дюйма. Не странно ли при такой артиллеріи думать о безбронныхъ военныхъ судахъ?!

Если взять стальную броню, то на 6 и 12 кабельтовахъ она пробивается изъ тѣхъ же пушекъ въ такихъ толщинахъ: $19^3/_4$ и 18 д., $18^1/_4$ и 16 д., $13^1/_2$ и 11 д., $8^1/_2$ и $6^1/_2$ д., $3^1/_4$ и $1^3/_4$ д., $1^1/_2$ и $1^1/_4$ дюймовъ. Желѣзная же броня должна быть еще толще, а именно: $25^1/_2$

и $23^3/_4$ д., $23^1/_2$ и $20^3/_4$ д., $17^3/_4$ и $14^1/_4$ д., $10^3/_4$ и $8^1/_2$ д., $4^1/_4$ и $2^1/_2$ д., $2^1/_4$ и 2 дюйма.

Очень естественны послѣ того стремленія всѣхъ военныхъ моряковъ обзавестись подводными и полуподводными судами. Еще 11 лѣтъ назадъ намъ было предложено водобронное судно г-мъ Джавецкимъ, а потомъ имъ же, американцами и французами—проекты подводныхъ лодокъ, но мы, не желая вѣроятно оскорбить памяти Великаго Наполеона, который тоже не признавалъ, сочли все это иллюзіями и отказались отъ того и другихъ. Потомъ, лѣтъ 6 спустя, неизвѣстно по какой причинѣ согласились съ большими затрудненіями и сомнѣніями на производство опытовъ, но не съ цѣлымъ водобронным судномъ, а съ однимъ спеціально сдѣланнымъ для того отсѣкомъ, причемъ все это производилось по канцелярской волокитѣ болѣе трехъ лѣтъ и до сихъ поръ не кончено, а самые опыты ставились въ нечеловѣческія условія, такъ какъ снаряды подвѣшивались и рвались въ такихъ мѣстахъ отсѣка, куда они при естественныхъ условіяхъ никакъ не могли попасть. Громадные 10 — 12-милліонные броненосцы строятъ безъ малѣйшихъ сомнѣній, безъ всякаго опыта,—на одну вѣру и надежду, а тутъ, при грошовыхъ расходахъ относительно всякаго броненосца, масса колебаній, всевозможныя проволочки, и все для чего?—для того, чтобы доказать то, что всѣ мальчишки знаютъ, стрѣляя изъ ружей по рыбамъ, топоркамъ и ныркамъ. Конечно, опыты дали то же самое, хотя ненужными искусственными взрывами снарядовъ отсѣкъ, не будучи привязанъ заранѣе снастями, все-таки былъ пробитъ, утопленъ и, кажется, до сихъ поръ еще не поднятъ [1]).

[1]) Отсѣкъ былъ поднятъ и лѣтомъ при комиссіи подвергся разстрѣлу изъ орудій на самомъ близкомъ разстояніи. Утопить не удалось. Эфектъ былъ поразительный.

Впрочемъ, Богъ съ нимъ!—у насъ остается громадное утѣшеніе, что, въ случаѣ крайности, мы можемъ въ нѣсколько мѣсяцевъ передѣлать часть нашего миннаго флота если не въ водоброниыя суда, то въ «водослойныя, водопалубныя», что для ихъ качествъ, какъ тарановъ и миноносцевъ непоражаемыхъ отъ снарядовъ, почти безразлично. Конечно, эта передѣлка не дастъ того, что можно ожидать отъ настоящихъ водоброшныхъ судовъ, но ихъ нетрудно создать въ должныхъ количествахъ, такъ какъ тюрбинныхъ машинъ и водотрубныхъ котловъ сколько угодно за-границей.

Перейду опять къ прежней темѣ. Въ настоящій моментъ броненосцы переживаютъ тотъ періодъ, который они уже повторяли, т. е. многочисленной артиллеріи и сравнительно тонкой, но распространенной чуть не по всему борту брони. По мѣрѣ ея утолщенія, площадь бронированія и количество артиллеріи уменьшаются, но за то пушки и суда дѣлаются крупнѣе. Въ новыхъ проектахъ броненосцевъ 6-ти-дюймовая пушка уже замѣнилась 7-ми и 8-ми-дюймовыми. Еще пройдетъ немного времени и 8-ми-дюйм. обратятся въ 9-ти и 10-ти-дюйм. а 12-ти дюйм. въ 14-ти и т. д., пока не дойдемъ до громадныхъ судовъ съ небольшимъ количествомъ 3-хъ футовой брони на борту и 18 дюймовыми пушками, какъ это уже было съ Duilio, Dondolo, Inflexible и т. д. Такъ какъ современная броня по своимъ качествамъ дошла вѣроятно до предѣла, а 10-ти дюйм. ея толщина не пробивается 12-ти дюйм. пушками даже у самаго ихъ дула, то стоитъ кому нибудь выстроить судно съ такой или, еще лучше, съ 20-ти дюйм. броней по ватеръ-линіи, съ 20-ти узловою скоростью и хотя бы съ двумя 10-ти дюйм. пушками, какъ оно сдѣлается сильнѣе всѣхъ существующихъ броненосцевъ и въ противовѣсъ ему придется

строить съ такой же броней, но уже съ 14-ти дюйм. пушками, потомъ съ нѣсколько большею скоростью, потомъ опять съ нѣсколько болѣе толстою бронею и нѣсколько усиленною артиллеріей и т. д., пока не дойдутъ до предѣловъ и такой равности въ силахъ, что придется кончать другъ съ другомъ не снарядами, а миной и тараномъ, т. е. искусствомъ маневрированія и слѣпыми случайностями.

Но гдѣ же этотъ предѣлъ величины пушекъ, скоростей судовъ, района ихъ плаваній (количества топлива), а въ зависимости отъ этихъ главныхъ элементовъ толщины бронированія и, слѣдовательно, будущаго водоизмѣщенія? Кто можетъ сказать, что пушки въ 18 дюйм. поперечника, скорость въ 25 узловъ и районъ плаванія въ 5,000 миль будутъ предѣльными и послѣдними? Ясно, что все это должно опредѣлиться очень медленно, постепенно, не скачками, потому что, какъ сказано, нѣтъ смысла ставить сразу громадныя пушки, когда достаточно увеличить скорость, нѣтъ смысла очень утолщать броню, когда достаточно немного усилить пушки!

Словомъ, для всѣхъ заводчиковъ предстоитъ еще обильная жатва; но намъ-то какая охота участвовать съ нашими тремя отдѣльными морями въ этой потѣхѣ, когда наши заводы казенные.

Зачѣмъ же, повторяю, намъ участвовать въ той скачкѣ, отъ которой мы ни на волосъ не становимся сильнѣе.

Прибѣгнуть-то подъ защиту воды будетъ скорѣе, вѣрнѣе и дешевле!

Дѣйствительное морское равновѣсіе.

Что такое флотъ и морскія крѣпости.

«Нов. Вр.» 29-го апрѣля 1903 г.

Недавнія статьи въ Нов. Вр. о морскихъ вопросахъ нѣсколько всколыхнули присущее намъ безразличное отношеніе къ задачамъ русскаго флота, но, къ сожалѣнію, расшевелили не въ смыслѣ опроверженій или лучшаго выясненія дѣла и надежды, что мы, наконецъ, вмѣсто мнимой силы, вмѣсто продолжительнаго морского безсилія, получаемъ оружіе, съ которымъ становимся въ ряды самыхъ могущественныхъ морскихъ державъ и дѣлаемся настолько же обезпеченными отъ морскихъ нападеній, какъ Англія, о нѣтъ, а только вызвали во многихъ изъ морской среды рѣзкія осужденія.

Многіе продолжаютъ думать и твердо вѣрятъ, что всякій флотъ долженъ дѣлиться на наступательный и оборонительный, и даже предполагаютъ, что при любой силѣ наступательнаго флота никакъ нельзя обойтись безъ оборонительнаго и скорѣе можно пожертвовать активнымъ флотомъ, но никакъ не послѣднимъ. Что это такъ,—доказывается, во-первыхъ, самымъ оффиціальнымъ названіемъ: «судовъ береговой обороны», а во-вторыхъ,—35-лѣтней работой на созданіе у насъ: мониторовъ, броненосныхъ батарей, двухъ-башенныхъ и трехъ-башенныхъ фрегатовъ и совсѣмъ еще свѣженькихъ броненосцевъ береговой обороны «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», «Адмиралъ Ушаковъ» и «Адмиралъ Сенявинъ».

Въ парусное время такъ не думали: — тогда былъ флотъ, какъ флотъ, и прежнихъ моряковъ разсмѣшило

бы предложеніе подѣлить его на двѣ категоріи; но тѣ же дѣятели, какъ только прикоснулись къ невиданнымъ ими раньше броненоснымъ и чисто паровымъ судамъ, такъ сейчасъ же очень охотно подраздѣлили ихъ, съ легкой руки американцевъ, на суда дальняго плаванія и на суда прибрежныя, т. е. сразу вложили въ сущность всякой морской силы совершенно невѣрную идею, такъ какъ и у американцевъ разные мониторы не защищались, а яростно нападали.

Что бы сказали въ арміи, если бы кавалерію подѣлили на стоящую и атакующую?!.

Какъ это ни удивительно, но прежнимъ да и многимъ изъ современныхъ моряковъ представляется, что флотъ, собственно говоря, долженъ защищать не моря, а берега и главнымъ образомъ порты, крѣпости, рѣки, бухты, проливы, рейды, и что для этого совершенно достаточно расположиться въ нихъ или передъ ними,—и защита противъ непріятельскаго вторженія вполнѣ готова. А что касается того, что въ эти порты или вообще изъ этихъ мѣстъ никто изъ своихъ не можетъ ни войти, ни выйти; что мимо и вблизи ихъ легко везти и высаживать десанты; что въ своемъ морѣ захватываются наши коммерческія суда, а нейтральныя останавливаются для конфискаціи на нихъ русскихъ товаровъ (какъ-никакъ, у насъ 67% проходитъ черезъ порты и только 33% черезъ сухопутныя границы); что всѣ города и берега, гдѣ нѣтъ оборонительнаго флота, разоряются, сжигаются, разстрѣливаются:—то до этого судамъ береговой обороны рѣшительно нѣтъ никакого дѣла!

Старымъ морякамъ да и многимъ изъ насъ совершенно отчетливо представляется, что если греки въ Саламинской бухтѣ разбили персовъ, а царь Спартанскій Леонидъ съ тремя стами сподвижниковъ сдерживалъ

цѣлыя полчища Ксеркса, то какъ же оборонительныя суда съ ихъ толстою бронею, съ ихъ 12-дюйм. пушками не сдержать цѣлаго флота! Если на сушѣ какая-нибудь крѣпостца или одна дивизія останавливаетъ движеніе большой арміи, то какъ же мониторъ или поповка не сдѣлаютъ того же самаго, занявъ мѣсто въ устьи рѣки или во входѣ на рейдъ! Словомъ, классическія идеи настолько проникли въ наши головы, что мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ милаго намъ дѣленія на эскадренные и оборонительные броненосцы, на мореходныя и береговой обороны канонерскія лодки, на эскадренные и прибрежные миноносцы. А если при этомъ заговорятъ о бомбардированіи крѣпостей, о пріятной возможности получить въ лицѣ флота осадную артиллерію, то ужъ тутъ проектомъ нѣтъ конца не только въ отношеніи броненосцевъ, но даже возобновленія старыхъ мониторовъ на новый ладъ и заодно укрѣпленій на о-вѣ Гогландѣ, въ Новороссійскѣ и другихъ мѣстахъ. «Помилуйте», — говорятъ они: — «какъ бы мы могли справиться безъ рѣчныхъ канонерокъ въ Таку? А вотъ, когда будутъ вмѣсто нихъ мониторы, то увидите, что они натворятъ съ любой крѣпостью».

Конечно, если у противника нѣтъ флота, то въ этомъ случаѣ не только канонерскія лодки съ мониторами, но даже и плоты годятся.

Ну, а если бы у китайцевъ тоже были канонерки въ рѣкѣ Пейхо, то наши могли ли начать бомбардировку крѣпости Таку, не справившись предварительно съ ними? Ну, а какъ бы они справлялись: стоя на якорѣ, или въ движеніи посредствомъ маневрированій? Навѣрно — въ движеніи: иначе, оставшись на якоряхъ, были бы быстро протаранены.

Ну, а если бы у китайцевъ былъ настоящій сильный флотъ или подводныя лодки, то осмѣлились ли выслать канонерки или хотя бы мониторы не только въ рѣку, но даже и въ море? О! навѣрно нѣтъ, пока не случилось генеральнаго сраженія и не получилась бы полная побѣда!

Не значитъ ли это, что никакого оборонительнаго флота нѣтъ и не можетъ быть, а всякій флотъ только тогда флотъ и тогда обороняетъ свои рѣки и моря, когда можетъ помѣряться силами съ пришедшимъ флотомъ въ открытомъ боѣ, будь то рѣка, бухта, заливъ, рейдъ или море.

«Ну, а какъ же миноносцы», —спросятъ насъ: —«вѣдь могутъ же они нападать ночью или днемъ, внезапно атакуя изъ-за береговыхъ прикрытій»? Случайныя нападенія на безпечнаго врага даже съ одиночными жертвами судовъ никакого вліянія на ходъ главныхъ событій оказать не могутъ. Для открытыхъ же нападеній надо, чтобы не засвѣжѣла погода, т. е. не развело бы волненія, надо сначала разбить непріятельскія миноносцы и потомъ уже большія суда, что для нихъ при современной артиллеріи, при отличномъ освѣщеніи электрическими фонарями совершенно не по силамъ.

Итакъ, 35-лѣтняя работа для непосредственной обороны береговъ оказалась фикціей и, что удивительнѣе всего, война 1877 года никого изъ насъ не отрезвила и никого не научила!

Докажемъ это совершенно систематически. Любого сорта флотъ только тогда оправдываетъ свое назначеніе и всѣ расходы на него, когда онъ имѣетъ силу и способность разбить противника. Въ этомъ состоитъ его первѣйшая и главнѣйшая задача! Вторая, третья, четвертая и пятая—конвоировать и везти десанты, помо-

гать осадѣ крѣпостей, блокировать берега и уничтожать морскую торговлю противника, а также дѣлать неприкосновенными свои моря, порты и рѣки даже помимо крѣпостей и канонерокъ съ миноносками — есть уже слѣдствіе перваго условія.

Все это ясно изъ слѣдующихъ свойствъ самаго моря.

На землѣ арміи двигаются по дорогамъ, которыхъ въ морѣ нѣтъ: оно все цѣликомъ, за исключеніемъ мелководій, представляетъ одну сплошную и великолѣпную дорогу. На землѣ войска проходятъ верстъ 30 въ сутки, на морѣ же легко можно дѣлать отъ 500 до 1,000 верстъ. Арміи имѣютъ съ собой провизіи не болѣе 20 дней, а остальную должны подвозить за собою по желѣзнымъ дорогамъ или находить на мѣстѣ; флотъ же можетъ имѣть все въ себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. На землѣ даже небольшіе отряды, пользуясь ущельями, обрывами, защищенными бродами или мостами черезъ рѣки и овраги, могутъ сдерживать цѣлыя полчища; на морѣ же ничего этого нѣтъ и нельзя устроить. Армія, двигаясь, должна оставлять много войскъ для охраны тыла и дороги, по которой подвозятся необходимые ей продовольственные и боевые припасы; для флота же ничего этого не надо. На сушѣ распутица, сломаный мостъ, крѣпость у дороги останавливаютъ наступленіе; въ морѣ же ничего этого нѣтъ, а если въ проливѣ и будетъ поставлено минное загражденіе, то оно хотя остановитъ движеніе, но не надолго, такъ какъ безъ особеннаго труда можетъ быть очищено контръ-минами. Нападеніе на фланги, на тылъ арміи опасно, для флота же очень желательно. На сушѣ одинъ противникъ обыкновенно стоитъ за своими окопами и отражаетъ другого; на водѣ же это совершенно невозможно: оба противника должны быть въ движеніи, и тотъ, кто скорѣе двигается, ста-

витъ себя въ лучшее положеніе,—иначе флотъ, стоящій или медленно двигающійся, можетъ погибнуть. Исключеніе изъ этого представляютъ только нѣкоторые частные случаи, когда борьба происходитъ съ флотомъ, стрѣляющимъ изъ-за крѣпости или съ мелководій; но и тутъ ворвавшійся въ туманъ или на проломъ флотъ заставитъ того принять бой въ движеніи, или иначе онъ неизбѣжно погибнетъ. Во второмъ случаѣ сдѣлаетъ то же самое подобный же мелководный флотъ, такъ какъ, конечно, глубоко сидящій флотъ не можетъ войти на мелкое мѣсто, но зато можетъ, пройти мимо него, какъ мимо береговаго укрѣпленія, и тогда все-таки заставить его принять бой на ходу и на глубокомъ мѣстѣ.

На землѣ ни людей, ни пушекъ не качаетъ; въ морѣ же, какъ извѣстно, гораздо чаще бываетъ волна, чѣмъ штиль, и потому флоту надо быть не только сильнѣе, но еще такого свойства, чтобы его меньше качало, т. е. состоять изъ большихъ судовъ или подводныхъ лодокъ.

Какъ въ степи батальонъ не можетъ сдержать дивизіи: такъ слабый флотъ не можетъ разсчитывать разбить на-голову сильный, а только его ослабить, но съ такими громадными для себя поврежденіями, что ему придется уйти въ крѣпость для исправленій, т. е. какъ бы перестать существовать на такое продолжительное время, которое будетъ достаточно для перевозки войскъ, для осады крѣпостей и для хозяйничанья на морѣ. А если въ той крѣпости, гдѣ чинится флотъ, есть одинъ не особенно глубокій выходъ, то въ туманѣ или прямо напроломъ можно затопить въ немъ нѣсколько старыхъ судовъ или пароходовъ, и тогда флотъ рискуетъ не только не выйти за время войны, но и быть взятымъ вмѣстѣ съ крѣпостью.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о крѣпостяхъ. При сильномъ флотѣ, какъ и при сильной арміи, онѣ могутъ и не быть: освободились же мы безъ всякихъ крѣпостей отъ татаръ, поляковъ, шведовъ и Наполеона! Не спасъ насъ Севастополь и не спасутъ отъ вторженій и пораженій никакія другія крѣпости, если не будетъ соотвѣтствующаго флота, такъ какъ не онъ имъ служитъ, а онѣ ему. Какъ бы крѣпости ни были часты по берегу, сколько бы ни заключали въ себѣ пушекъ и солдатъ, онѣ все-таки нисколько не охраняютъ ни морей, ни торговли, нисколько не препятствуютъ перевозкѣ или высадкѣ чужихъ войскъ въ желаемое мѣсто, потому что оборонительныя войска никогда за флотомъ не угонятся, и онъ всегда будетъ въ состояніи фальшивой демонстраціей привлечь ихъ въ одно мѣсто, а высадить — въ совершенно противоположное.

Слѣдовательно, при слабомъ флотѣ крѣпости, да еще не заслоняющія рѣкъ, проливовъ и прибрежныхъ коммерческихъ портовъ отъ бомбардированій, нисколько государству не полезны, а скорѣе даже вредны, такъ какъ для осады требуютъ со стороны непріятеля гораздо меньше войскъ, чѣмъ сухопутныя, потому что послѣднія надо окружить со всѣхъ сторонъ, а эти только тамъ, гдѣ нѣтъ моря.

При флотѣ, равносильномъ противникамъ, морскія крѣпости нужны какъ базы или питомники, но съ непремѣннымъ условіемъ имѣть имъ не одинъ узкій, неглубокій выходъ, а два или три, по возможности отдаленные другъ отъ друга, чтобы не попасться въ западню.

Всѣ эти разсужденія касаются лишь надводнаго броненоснаго или неброненоснаго флота и совершенно не-

нужны для подводнаго и полуподводнаго, потому что при послѣднемъ выходитъ слѣдующее:

Если какое-нибудь государство обзаведется существомъ невидимымъ и непоражаемымъ, но способнымъ уничтожать военачальниковъ и рядовыхъ въ чужихъ арміяхъ, то само собою ясно, что съ такимъ государствомъ никто воевать не будетъ и оно отлично можетъ обойтись безъ арміи, крѣпостей и флота. Если появятся тѣ же существа и въ прочихъ странахъ, то, понятно, результатъ выйдетъ совершенно одинаковый.

Вотъ абсолютно къ тому же самому результату придутъ всѣ государства, когда обзаведутся подводными судами. Число же ихъ, какъ и тѣхъ существъ, измѣняетъ сущность дѣла лишь настолько, что въ одномъ случаѣ уничтоженіе войскъ или флота пойдетъ быстрѣе, въ другомъ — медленнѣе; но суть останется одна и та же: борьба ни людьми, ни крѣпостями, ни броненосцами, ни пушками невозможна...

Но, съ другой стороны, кромѣ устраненія пушекъ, а слѣдовательно крѣпостей, надводныхъ военныхъ судовъ, — и вреда отъ нихъ нѣтъ никакого, потому что онѣ сами-то, безъ войскъ и артиллеріи, ничѣмъ не могутъ попользоваться. Въ настоящее время Англія и Германія начинаютъ перестраивать свою политику, торопятся снабжать недогадливыя націи запоздалыми броненосцами и во-всю ухаживать за Франціей: не секретъ ли всего этого въ подводныхъ лодкахъ? Вѣроятно, такъ!

Безкровное рѣшеніе исторической задачи.

«Нов. Вр.» 28-го марта 1903 г.

Приближается важный моментъ нашей исторіи, когда мы безкровно, благодаря изобрѣтеніямъ Уайтхеда, Зеде, Голланда, а еще раньше Александровскаго, Джавецкаго и другихъ, можемъ достигнуть той цѣли, къ которой стремились чуть не съ Олега. Какъ тогда всѣ ухищренія Византійской имперіи, всѣ римскія и греческія формы войны на морѣ, включая огни, катапульты и прочее, не могли противостоять нашимъ стругамъ и чайкамъ, а главное—удали и отвагѣ дѣйствовавшихъ на нихъ славянъ и казаковъ: такъ и теперь съ новыми, народившимися подводными и полуподводными судами мы получаемъ возможность безъ всякой войны достигнуть давно намѣченной, давно желанной и жизненно необходимой цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, если водоброннныя суда нельзя утопить пушками, а подводныя лодки—ни пушками, ни минами, то, значитъ, никакими береговыми укрѣпленіями ихъ задержать нельзя, а слѣдовательно Босфоръ и Дарданелы безъ всякихъ кровопролитій какъ бы наши, т. е. всегда проходимы, и мы не хуже другихъ можемъ господствовать въ Средиземномъ морѣ, залѣзая, когда потребуется, сначала въ ближайшіе, а по мѣрѣ усовершенствованія подводныхъ судовъ—и во всѣ остальные порты и рейды для розысковъ и уничтоженія непріятеля.

Затѣмъ, если отъ нападенія водоброннныхъ судовъ нельзя защититься ни ходомъ, ни пушками, а отъ подводныхъ лодокъ—ни пушками, ни минами, то надводные броненосцы или крейсеры не пойдутъ въ Черное море съ враждебными цѣлями, потому что гдѣ нибудь въ немъ

будутъ утоплены, и, слѣдовательно, надо считать, что Черное море наше, т. е. вполнѣ закрыто, и притомъ не требуя для своей охраны ни броннаго или безброннаго надводнаго флота, ни скопленія войскъ, ни грозныхъ крѣпостей.

Кажется ясно?!

— Хорошо:—скажутъ намъ; — но если не посмѣютъ войти броненосцы и транспорты съ войсками, зато придутъ чужія водобронныя суда, чужія подводныя лодки и начнутъ топить наши суда.

— Совершенно вѣрно:—отвѣтимъ мы;—но кого же они утопятъ?—Нѣсколько броненосцевъ и крейсеровъ—они намъ ненужны, нѣсколько коммерческихъ пароходовъ—ихъ вообще очень мало и за нихъ придется отвѣтить десятками своихъ.

— Нѣтъ, не то,—скажутъ намъ:—онѣ начнутъ драться съ нашими подводными судами; а такъ какъ ихъ прибудетъ очень много, то наши будутъ уничтожены—и тогда войдутъ ихъ броненосцы, ихъ транспорты съ войсками, и намъ придется очень плохо.

Во-первыхъ, сражаться другъ съ другомъ таранами или минами будутъ только водобронныя суда, да и тѣ, въ случаѣ крайности, всегда могутъ укрыться въ рѣкахъ или въ гаваняхъ и докахъ, откуда никакъ нельзя задержать ночныхъ ихъ вылазокъ для атаки.

Во-вторыхъ, подводныя же лодки, имѣя способность скрываться подъ воду, гдѣ рѣшительно ничего не видно, даже на близкихъ разстояніяхъ, конечно, драться и уничтожать другъ друга не могутъ, а слѣдовательно наши подводныя лодки всегда останутся и всегда будутъ въ состояніи нападать на непріятельскій надводный флотъ.

— Но вѣдь онъ можетъ защищаться и ходомъ, и сѣтями?

— Нѣтъ, не можетъ, потому что «летучими голландцами» быть нельзя, да притомъ въ этомъ состоянiи никому ничего не сдѣлаешь, почему придется остановиться: а какъ только это случится, то нападенiе лодками обезпечено. Сѣти же мало пригодны, потому что на ходу онѣ всплываютъ, на волнѣ обрываются, отъ минъ разрушаются.

— Найдется какая-нибудь другая защита!—скажутъ намъ.

— Если бы нашлась, то давно бы не было ни минъ, ни минныхъ аппаратовъ, ни миноносокъ, а они есть и все совершенствуются: слѣдовательно, въ этомъ направленiи борьба оказалась невозможной.—Будущее, конечно, неизвѣстно, но съ увѣренностью можно сказать, что царство судовыхъ и прибрежныхъ пушекъ, а также связанной съ ними брони кончается: а такъ какъ это для всѣхъ, кромѣ Японiи и Германiи, удобно, то оно навѣрно нескоро и возобновится! Для Россiи же это прямо благодать!

Русскій и германскій взгляды на подводныя суда.

«Нов. Вр.» 25-го марта 1903 г.

Нѣмцы хотя признаются, что съ чисто технической стороны вопросъ о подводныхъ лодкахъ разрѣшенъ удовлетворительно, но, несмотря на то, все-таки считаютъ, что для Германiи не стоитъ тратить на нихъ ни силъ, ни времени, ни денегъ, потому что, молъ, военное значенiе лодокъ пока ничтожно[1]). Выводъ довольно странный, но вполнѣ логичный для нѣмцевъ, такъ какъ дѣйствительно

[1]) «Русскій Инвалидъ», № 54.

при недлинной береговой чертѣ, а главное—при мелководьи ихъ морей онѣ имъ совершенно не нужны, а вслѣдствіе рѣшенія создать сильный броненосный флотъ и съ помощью его нахватать колоній и вытѣснить англійскую морскую торговлю, эти самыя подводныя лодки имъ прямо противны. Они съ восторгомъ бы убѣдили весь свѣтъ, что французская затѣя ровно ничего не стоитъ; что она не болѣе, не менѣе какъ безсмыслица, достойная однихъ легкомысленныхъ французовъ; что другимъ народамъ слѣдуетъ шествовать по стопамъ Германіи и, заказывая у ней какъ можно больше судовъ, пушекъ, брони, ждать, подобно Венецуэлѣ или Китаю, очереди, когда этотъ многокультурный народъ вздумаетъ явиться во всеоружіи броневого кулака къ чужимъ берегамъ. Чего лучше: сегодня непробиваемая крупповская броня, завтра—новыя крупповскія пушки или снаряды, которые уже превосходно пробиваютъ ее, потомъ опять броня и снова снаряды, и т. д. безъ перерыва, а главное за всѣ эти секреты громадныя деньги, собираемыя со всего міра. Чудная перспектива, и вдругъ какая-то ничтожная лодченка, прячась въ воду, которую ужъ никакъ не выдумаешь и не преобразуешь, обрываетъ въ корнѣ весь рой надеждъ и все будущее устроительство Германіи!.. Невольно тутъ станешь читать лекціи и горячо проповѣдывать о безполезности подводныхъ лодокъ вслѣдствіе ихъ малой скорости, равной паровымъ катерамъ (14 верстъ въ часъ), вслѣдствіе малаго района плаванія (1,000 верстъ), вслѣдствіе невозможности долго идти подъ водою, вслѣдствіе слѣпоты, трудности цѣлить черезъ перископы и невозможности перенести бой подъ воду; но въ концѣ-концовъ надо думать—потому, что лодка лишитъ ихъ громадныхъ выгодъ, помѣшаетъ ихъ будущей гегемоніи, сдѣлаетъ безполезной ихъ громадную затрату на броне-

носный флотъ, такъ какъ имъ не успѣть вернуть не только вкладываемаго въ это дѣло національнаго капитала, но даже и процентовъ съ него. Кромѣ того, нельзя же повторять ту первую ошибку, съ которой они начали свое устройство морской силы, т. е. съ оборонительнаго флота, когда и оборонять-то незачѣмъ, такъ какъ сама природа гораздо лучше ихъ самихъ позаботилась о защитѣ нѣмецкихъ береговъ. Для такой страны, какъ Германія, никогда не требовался оборонительный флотъ, а всегда одинъ наступательный, чтобы съ нимъ въ благопріятный моментъ выскочить, насолить, а въ неблагопріятный—такъ спрятаться, что его никакими крючками, кромѣ подводныхъ лодокъ, нельзя достать.

Понявъ слишкомъ поздно свою ошибку, они спѣшно начали навертывать потерянное время и, конечно, видя въ подводной лодкѣ не союзника, а врага (имъ она для защиты совершенно не нужна), пробуютъ будировать противъ нея, пробуютъ навѣять кое въ комъ сомнѣніе въ ея боевомъ значеніи. Едва ли имъ это удастся, такъ какъ всякому понятно, что скорость и районъ плаванія[1]) лодки не окончательные, но во всякомъ случаѣ достаточные для подкарауливанія и нападенія какъ вблизи своихъ портовъ, такъ и у чужихъ; что подъ водой ей надо проплывать не болѣе 30 минутъ или 5— 6 миль, чтобы пройти на чужой рейдъ или передъ окончательнымъ ударомъ незамѣтно приблизиться къ непріятелю; что слѣпоту и видъ черезъ перископъ легко поправлять компасомъ и выныряніемъ; что цѣлить и стрѣлять минами изъ-подъ воды совсѣмъ не требуется, а можно это сдѣлать въ моментъ короткаго и неожиданнаго появле-

[1]) Райономъ плаванія называется пространство, которое могутъ проходить суда безъ возобновленія угля или топлива.

нія на поверхности воды: что переносить бой въ воду совсѣмъ не зачѣмъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ военное дѣло нисколько бы не измѣнилось и лодки бы потеряли тотъ ожидаемый отъ нихъ могущественный эффектъ и значеніе, благодаря которымъ всѣ прибрежныя государства дѣлаются одинаково сильными и одинаково защищенными, а морскія сраженія съ подводными или надводными судами невозможными.

Было время, когда не только подводная лодка Фультона, но и его первое паровое судно было отвергнуто Наполеономъ I и Англіей. Однако, если первый сдѣлалъ это потому, что не сумѣлъ оцѣнить ни для себя, ни для могущества Франціи ихъ великаго значенія, то вторая—потому, что, благодаря указанію адмирала Джервиса, побоялась встрѣтить въ нихъ непреодолимое препятствіе для наростанія могущества Англіи. И дѣйствительно наибольшую часть колоній и земель она пріобрѣла въ этомъ столѣтіи и черезъ посредство парусного флота, какъ бы тѣмъ выжавъ послѣдніе соки изъ него, и только послѣ того уже энергично принялась за устройство своего парового и броненоснаго флота. Нѣмцы послѣ этихъ примѣровъ не могутъ не понять близкаго, не въ свою пользу, переворота отъ подводныхъ лодокъ, и потому естественно не желаютъ находить въ нихъ никакого боевого значенія, несмотря на удовлетворительное рѣшеніе вопроса съ технической стороны. Англичане посмотрѣли на дѣло иначе, и безъ всякаго спора и протеста купили патентъ Холанда и принялись за постройку и испытанія сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Имъ въ настоящее время лодка не только не мѣшаетъ, но еще поможетъ покрѣпче держать то, что они захватили выше мѣры, такъ какъ десантовъ-то ни къ нимъ, ни въ одну изъ ихъ колоній ужъ больше не высадишь.

Итакъ, любо это или не любо нѣмцамъ, но съ легкой руки французовъ большинство государствъ усиленно занялось разработкой полуподводныхъ и подводныхъ судовъ, чая въ нихъ ту новую силу, которая сдѣлаетъ борьбу на морѣ безполезной и, въ то же время, крѣпко-накрѣпко защититъ всѣ берега отъ захватовъ или разореній. Если первыя французскія броненосныя батареи, послѣ опыта подъ Кинбурномъ въ Крымскую войну, дали толчекъ новому судостроенію, а затѣмъ американскіе «Мониторъ» и «Меримакъ» прочно утвердили его, то, конечно, подводныя суда должны сдѣлать еще болѣе крутой переворотъ во всей Европѣ, и тогда нѣмцамъ никакъ не избѣжать его. Вѣрнѣе же всего, что они подъ шумокъ давно уже выработали свой собственный типъ подводной лодки, и, притомъ, навѣрно очень хорошій, но только, какъ и прочія государства, держатъ его въ строгомъ секретѣ. Что они не могутъ отстать отъ другихъ, тому порукой— ихъ громадныя техническія средства, ихъ лучшая въ свѣтѣ броня, лучшія пушки, машины и наибыстрѣйшія суда.

Хотя намъ нѣмцы и не указъ, но вслѣдствіе привычнаго во всемъ поклоненія имъ, правда, вполнѣ заслуженнаго, но безъ взгляда на неизмѣримую разницу между нашими и ихъ географическими, духовными и матеріальными условіями, часто можно услыхать такую фразу: «Германія строитъ большіе броненосцы, какъ же намъ отставать отъ нея?» или: «Нѣмцы не вѣрятъ въ подводныя лодки, ихъ не строятъ и глупо будетъ поступать намъ иначе»!

Разобравъ же дѣло, выходитъ, что въ военномъ или коммерческомъ судостроеніи мы такъ здорово отстали отъ Германіи, что не только никогда ея не догонимъ, но даже бросили думать о самомъ жизненномъ для насъ вопросѣ:

о господствѣ на Балтійскомъ морѣ, Финскомъ заливѣ и о возможности вступить съ нею въ открытое морское сраженіе. На Востокѣ въ такомъ же положеніи въ отношеніи Японіи; въ Черномъ морѣ нѣсколько лучше относительно Турціи, но...

Вообще, наши дѣла съ боевымъ, броненоснымъ флотомъ настолько отстали въ настоящемъ, что не предвидится никакихъ надеждъ и въ будущемъ уже по одному тому, что намъ никакъ нельзя игнорировать ни нашей удручающей отсталости въ техникѣ, ни поддержекъ: Германіи—Австріей и Италіей, Турціи—Германіей, и Англіей, Японіи—Англіей и Китаемъ.

Поправить свое положеніе, уравнять свои шансы, съ честью выйдти изъ той каши, въ которую попали мы благодаря непосильному для насъ броненосному судостроенію, можемъ только усиленіемъ до крайности энергіи, подобно созданію большой флотиліи миноносокъ въ 1877 г. (къ появленію которыхъ относились также скептически, какъ теперь къ подводнымъ лодкамъ), одновременной постройкой на нашихъ трехъ окраинахъ водобронныхъ судовъ и подводныхъ лодокъ въ пропорціяхъ три на шесть. Какъ французы, не задумываясь, выстроили свои первыя броненосныя батареи, какъ американцы сдѣлали то же самое съ первыми мониторами: такъ и мы, нисколько не мѣшкая, не ожидая ни одной минуты нѣмецкаго благословенія или одобренія, должны рѣшительно взяться за великое дѣло поддержки нашего національнаго достоинства, нашей морской безопасности и нашего законнаго желанія обезпечить за собою обладаніе надъ непосредственными нашими морями.

Русскія размышленія.

«Нов. Вр.» 17-го января 1903.

Г. Сухопутный своими «Сухопутными размышленіями», помѣщенными въ «Новомъ Времени» за № 9648, 1903 г., иронизируетъ надъ статьями гг. Батьянова, Кладо, Моряка, а между тѣмъ онѣ касаются крейсеровъ, каперовъ и Парижской деклараціи 1856 г., т.-е. чрезвычайно важныхъ и жизненныхъ интересовъ Россіи.

Г. Сухопутный смѣшиваетъ капера съ корсарами, т.-е., партизанъ, добровольцевъ, вольныхъ стрѣлковъ, «Алабаму», съ шайками грабителей, съ кавказскими разбойниками, съ хунхузами, съ пиратами Краснаго моря или Корейскаго архипелага. Это было бы такъ, если бы капера дѣйствовали не только въ военное время, но и въ мирное; а такъ какъ этого нѣтъ, то, называя капера корсарами, г. Сухопутный совершенно напрасно относится къ столь разнымъ понятіямъ съ одинаковымъ чувствомъ презрѣнія и отвращенія.

Дѣйствія каперовъ и крейсеровъ въ военное время столь же почтенны, какъ и линейныхъ кораблей, такъ какъ тѣ и другіе всегда готовы къ бою, но первымъ онъ гораздо опаснѣе, вслѣдствіе малой приспособленности къ сраженіямъ.

Когда линейные флоты противниковъ равносильны, то требуются только развѣдчики и никакихъ крейсеровъ или каперовъ пожалуй не надо, потому что послѣ пораженія одного изъ флотовъ вся морская торговля сама собою переходитъ въ руки побѣдителя.

Для болѣе яснаго пониманія смысла крейсеровъ и каперовъ позволю себѣ перейти еще къ слѣдующимъ

сравненіямъ. Какъ бы наступающая армія ни была сильна, она не можетъ при своемъ движеніи оставлять безъ вниманія какъ пройденную дорогу, такъ и тѣ непріятельскія крѣпости, которыя находятся на ея пути, и волей-неволей должна ихъ осаждать, или брать сразу штурмомъ.

Къ числу средствъ охраны и осады главнымъ образомъ входятъ многочисленные разъѣзды и наблюдательные отряды, чтобы не допускать къ дорогѣ противниковъ, а къ осажденнымъ—ни подкрѣпленій, ни подвоза матеріаловъ и припасовъ.

Если въ число этихъ разъѣздовъ или заставъ войдутъ отряды партизанъ, то къ какой бы дружественной націи они ни принадлежали, никакъ не слѣдуетъ отказываться отъ ихъ услугъ уже на томъ основаніи, что они, усиливая регулярныя войска, позволяютъ направлять ихъ для другихъ болѣе важныхъ цѣлей.

Вотъ значеніе каперовъ и крейсеровъ при морской войнѣ!

А такъ какъ Англія или Японія, благодаря своему островному положенію, изображаютъ собой тѣ крѣпости, которыя не могутъ долго держаться безъ подвоза провизіи извнѣ, то большой грѣхъ и громадная ошибка будетъ, если не пользоваться этой главной ихъ слабостью, которая допускаетъ сдачу ихъ безъ кровопролитнаго штурма, а лишь однимъ дѣйствіемъ на мертвую собственность или той же нѣсколько медленной, но зато вѣрной осадой.

Если г. Сухопутный считаетъ это не гуманнымъ, то объ томъ можно только пожалѣть и утѣшить его тѣмъ, что подобныя же мысли раздѣляли и наши иностранцы-дипломаты, когда, пользуясь отсутствіемъ у насъ гласности, подготовляли почву для принятія Россіей той удивительной декларации, о которой умные патріоты-аме-

риканцы выразились такъ: Ни одна уважающая себя нація не допуститъ иностранныя государства вмѣшиваться въ опредѣленіе характера ея вооруженій...

Капера и крейсера еще потому необходимы и полезны, что будутъ сдерживать морскія націи отъ слишкомъ быстрыхъ переходовъ отъ мира къ войнѣ, т.-е., иначе, капера и крейсера только сослужатъ хорошую службу для главныхъ идей Гаагской конференціи.

Что же касается надеждъ всѣхъ сухопутныхъ сдерживать порывы Англіи не морской силою, а сухопутной черезъ посредство похода на Индію, то пусть они разочаруются, такъ какъ полумилліонная армія ея союзника Японіи, вся цѣликомъ пересаженная къ намъ въ Азію, сумѣетъ отвлечь всѣ наши помыслы объ Индіи.

Близкій конецъ всякимъ морскимъ войнамъ.

«Нов. Вр.» 11-го февраля 1903 г.

Въ послѣднее время наша періодическая печать обогатилась многими статьями и замѣтками по поводу каперовъ, корсаровъ, приватировъ, крейсеровъ, Парижской деклараціи, нейтрализаціи портовъ, а между тѣмъ никто изъ авторовъ этихъ статей не подумалъ, что съ появленіемъ подводныхъ и полуподводныхъ лодокъ всѣ эти вопросы сами собой упраздняются, такъ какъ не только каперамъ и крейсерамъ, но и самому-то обладанію моремъ, черезъ посредство военныхъ флотовъ, приходитъ рѣшительный и безповоротный конецъ.

Не пройдетъ, можетъ-быть, четырехъ-пяти лѣтъ, какъ подводныя лодки вытѣснятъ любыя военныя суда, сравняютъ сильныхъ со слабыми и поставятъ всѣ прибрежныя государства въ абсолютно одинаковыя условія. Всѣ будутъ владѣть своими морями и портами, а вмѣстѣ съ тѣмъ никто не въ состояніи будетъ защищать ихъ флотомъ или приморскими крѣпостями! Всѣ будутъ торговать и перевозить грузы, но никто не въ состояніи будетъ ихъ охранять или защищать! Всѣ могутъ уничтожать коммерческія или военныя суда, но никто не овладѣетъ ими въ свою пользу! Всѣ могутъ воевать, но никто плодами побѣды не попользуется, никто сильнѣе оттого не станетъ, никто не возьметъ ни приморскаго города, ни крѣпости, ни горсточки прибрежной земли, такъ какъ подводныя лодки не допустятъ съ моря ни ядеръ, ни солдатъ.

Противъ подводныхъ нападеній на суда нѣтъ средствъ спасенія; но зато и сами подводныя лодки не могутъ ни стрѣлять изъ пушекъ, ни брать крѣпостей, ни везти войскъ, ни сражаться другъ съ другомъ. Количество и качества ихъ тоже не играютъ особой роли, а потому естественно, что разъ невозможно будетъ пользоваться плодами побѣдъ и сраженій, то къ чему же морская война, къ чему затраты на нее въ видѣ броненосцевъ, крейсеровъ, развѣдчиковъ, минныхъ судовъ, канонерскихъ лодокъ, морскихъ крѣпостей, военныхъ портовъ, управленій, морскихъ министерствъ и т. д.? Все это пойдетъ на смарку, все лишнее и лишнее! Общій миръ и торговля, торговля — вотъ будущій девизъ морскихъ министерствъ всего свѣта!

Посмотримъ, такъ ли это, не ошибаемся ли мы? Предположимъ, что Россія ведетъ войну со всѣми державами. Непріятельскіе флоты подходятъ къ нашимъ портамъ,

чтобы запереть въ нихъ русскія военныя суда и потомъ, привезя войска на многочисленныхъ транспортахъ, овладѣть ими и берегами. Наши подводныя лодки днемъ и ночью производятъ атаки на ихъ броненосцы и постепенно топятъ ихъ всѣхъ до одного, если даже не здѣсь, то въ ихъ собственныхъ портахъ. Непріятельскихъ флотовъ не существуетъ, море свободно, и мы, пользуясь этимъ, сажаемъ свои войска на пароходы и веземъ ихъ хотя бы одновременно въ Англію, Японію и въ Турцію. Только-что подходимъ къ мѣстамъ высадокъ, какъ наши десанты начинаютъ, въ свою очередь, тонуть отъ неожиданныхъ взрывовъ.

Будемъ ли мы настаивать на предпринятыхъ операціяхъ? Вѣроятно — нѣтъ, уже потому, что высаженные десанты, подъ дружнымъ напоромъ непріятельскихъ войскъ, все равно — быстро погибнутъ безъ подвоза подкрѣпленій и боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, такъ какъ приходящіе со всѣмъ этимъ свѣжіе пароходы тоже будутъ взрываться. Отсюда ясно, что война невозможна.

Предположимъ обратный случай. Нашъ флотъ погибъ подъ ихъ ударами. Они везутъ къ намъ десанты. Наши подводныя лодки дѣлаютъ то же самое, и опять — значитъ — война невозможна. Возьмемъ третій случай. Военные флоты уничтожены, остались одни крейсеры и подводныя суда. Война продолжается. Подводныя лодки не будутъ въ состояніи сражаться другъ съ другомъ, идутъ на буксирахъ къ чужимъ портамъ и тамъ, залѣзая въ самыя гавани, начинаютъ свою губительную работу надъ коммерческими судами. Мины возобновляются на заранѣе условленныхъ рандеву съ своихъ транспортовъ. Какъ крейсеровъ, такъ и пароходовъ погибло множество. Война окончена. Мы на ихъ костяхъ начинаемъ развивать свой

торговый флотъ, но они, въ свою очередь, присылаютъ къ намъ подводныя суда и дѣлаютъ то же самое.

Гдѣ же конецъ?! Конца можетъ и не быть, но общія бѣдствія, общія потрясенія, проистекающія изъ-за прекращенія всеобщей морской торговли, заставятъ всѣ народы придти къ неизбѣжному выбору: покончить навсегда съ безполезнымъ самоистребленіемъ, безполезной гибелью людей и судовъ, съ добровольнымъ саморазореніемъ—и начать желанную для всѣхъ мирную дѣятельность. Можетъ ли быть иначе?

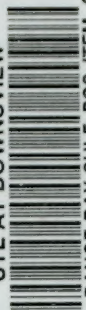
Вотъ воистину громадное значеніе подводныхъ лодокъ, такъ во-время остановленное въ своемъ развитіи лордами англійскаго адмиралтейства послѣ великолѣпныхъ опытовъ геніальнаго Фультона въ Темзѣ еще въ 1798 г., чтобы за это время успѣть нахватать полміра колоній, которыхъ уже теперь, благодаря той же подводной лодкѣ, никто отъ нихъ не отберетъ съ моря! Вотъ тотъ всеобъемлющій техническій разумъ, который наконецъ противъ воли людей побѣдилъ ихъ вѣковѣчные споры и раздоры на морѣ! Скоро ли такое же универсальное изобрѣтеніе избавитъ міръ отъ вражды на сушѣ?!

Можетъ-быть, многіе подумаютъ, что все это однѣ иллюзіи, что противъ яда всегда найдется противоядіе. Охотно готовъ извиниться за напрасную тревогу передъ одними и напрасныя горячія надежды у другихъ, если кто-нибудь докажетъ: 1) что подводныя лодки, не будучи въ состояніи видѣть другъ друга въ такой густой средѣ, какъ вода, даже при любомъ искусственномъ освѣщеніи, могутъ сражаться между собой, и 2) что возможно найти средство обезпечить суда отъ взрывовъ минъ, когда какъ онѣ, такъ и заряды ихъ могутъ еще свободно увеличиваться въ своихъ размѣрахъ.

Выводъ же изъ всего сказаннаго такой: для Россіи не будетъ никакой ошибки, если она до выясненія дѣла остановитъ пока постройку крупныхъ судовъ и ограничится одними водобронными миноносцами, подводными лодками и усовершенствованіями минъ, такъ какъ бомбардировать чужія крѣпости и уничтожать чужую торговлю намъ, все равно, при существующихъ условіяхъ, не дадутъ!

СОДЕРЖАНІЕ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 13 13 007 4